

Анатолий Шацев

ДОЛИНА

Анатолий Шацев

Долина

«Буквально»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Шацев А.

Долина / А. Шацев — «Буквально», 2018

ISBN 978-5-907137-88-2

Группа альпинистов сказочной Большой Страны увлечена старинной легендой о чудесной исцеляющей Долине, и им удастся найти ее в горах. В этой труднодоступной Долине огромными усилиями удастся устроить Санаторий, где находят излечение от безнадежных болезней сотни и тысячи детей. Альпинистам и их союзникам приходится одновременно и создавать Санаторий, и защищать Долину от врагов. Через несколько лет в Долине происходит внезапная катастрофа, и тогда защитники Долины из разных стран бросаются на выручку погибающим людям...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907137-88-2

© Шацев А., 2018
© Буквально, 2018

Содержание

Предупреждение от автора	6
Часть первая	7
Премьер и другие	7
Премьер	7
Жена и сын	8
Посиделки	11
Политех	16
Альпинисты	17
Рассказ Высокого	21
Сказки о Долине	21
Живой	22
Кентавр	23
Высотники	25
Кое-что о Крисе	26
Саныч	29
Первая экспедиция	30
Козленок	31
Тропой козленка	35
Кое-что о Ледоколе	37
Долина, Долина!	39
Решение о второй экспедиции	43
Премьер и Высокий	43
Что же там, впереди?	43
Решающий разговор	45
Осенний слет	49
Ноябрины	49
Байрон	50
Нескончаемый спор	51
Вторая экспедиция	57
Сборы и Винни-Пух	57
Начало второй экспедиции	58
И снова Предбанник	59
Вход в Долину	61
Пришли!	63
Вот и Саныч	66
В Долине	70
Зиманика	70
Исследование Долины	70
Ежик!	71
Та безумная ночь!	73
Танец Эльвиры	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анатолий Шацев Долина

© Шацев А., 2018

© ООО «Буквально», 2018

* * *

Посвящается людям нашего поколения.

Предуведомление от автора

Автор осмелился предложить читателю поэму о людях, которые однажды пошли за великой и прекрасной мечтой, и о том, что из всего этого получилось.

Автору не довелось самому быть участником этих событий, но с некоторыми из этих людей он был знаком, и из их отрывочных воспоминаний он кое-как склеил некое связное повествование, часто содержащее большие пробелы. Поскольку многое в этой истории так и осталось невыясненным, автор позволил себе иногда кое-что досочинить. Позвольте считать это его скромным вкладом в произошедшее.

Все изложенные события случились в одной *выдуманной Большой Стране*, поэтому не надо искать ее на карте, и, в частности, не нужно тут искать большого сходства с известными читателю странами. Это будет ошибочный путь. Нижеизложенное – *это всего лишь сказка*, сочиненная автором для самого себя во времена бессонницы, и в ней нет ни намеков на что-либо, ни уроков для кого-либо.

Всего лишь сказка, добрый читатель, всего лишь растрепанный ворох воспоминаний о не бывшем...

Часть первая

Премьер и другие

Премьер

За много лет до описываемых событий в одной Большой Стране был Премьер-министр. Его жизненный путь был долог и сложен, это была бы слишком длинная история, да и не про то сейчас сказ. Однако незадолго до своей смерти он сумел провести в жизнь один важнейший закон, за который немало людей потом вспоминали его добрым словом, а многие даже приносили цветы на его могилу.

*...и вечно твоя могила
будет тонуть в цветах.*

Положим тогда и мы наш скромный букет незабудок. Этот человек стоит того, чтоб рассказать о нем немного поподробнее.

Премьер-министр (будем звать его далее просто – Премьер) был по своему таланту управленец и бюрократ высшего класса и свое место он занимал по праву. Он происходил из простой семьи и шел к этой должности много лет путем трудным, а иногда и страшным, на котором кое-что ему очень не хотелось бы вспоминать...

Его тяжелая работа была для него смыслом жизни, наркотиком и каторгой одновременно. Он сам чувствовал, что давно стал какой-то управленческой машиной, бесчувственной, и никогда не останавливающейся. Но и то правда, что никто лучше него не мог бы поддерживать движение государственного механизма, механизма изношенного и малоэффективного, но создававшегося когда-то его поколением, и у Премьера не было ни желания, ни сил, ни возможностей его менять.

Сам он давно понимал необходимость серьезных реформ, но делать это должны были уже какие-то другие, новые люди. Этот же заскорузлый механизм заставлять работать наилучшим, насколько возможно, образом мог только он и его тщательно подобранный, вышколенный и преданный ему аппарат. Иногда Премьер чувствовал себя старым доктором, который понимает, что не может уже вылечить своего дряхлеющего больного, но старается хоть как-то продлить его жизнь.

Как заведенный, Премьер вставал всегда в семь утра, в восемь двадцать садился в свой вечный черный «линкольн» с вечным же шофером Костей, таким же седым, как и он сам, и в девять уже сидел за рабочим столом. Работа с документами и совещания, подготовка решений и проверка исполнения, планы и отчеты и бесконечные бумаги, бумаги, бумаги... О его умении увидеть в большом пакете документов едва заметные ошибки ходили легенды.

В десять вечера он снова садился в машину, в одиннадцать – короткий ужин, недолгое общение с семьей, иногда – работа с особо важными документами. И в начале первого ложился. В субботу заканчивал рабочий день к шести, а в воскресенье отдыхал на даче, точнее, заставлял себя отдыхать, понимал, что иначе – сломается. Так – гулял, иногда рыбачил, думал.

Людей он подбирал под стать себе – фанатичных трудоголиков, патологически честных. Он жестко требовал от своих сотрудников реальной работы и обязательности, редко хвалил, часто ругал, но они знали: если не выгоняет – уже нормально. Работой у него гордились. Когда

впоследствии они уходили в бизнес, то репутация бывшего сотрудника аппарата Премьера стояла в деловом мире чрезвычайно высоко.

Были у него и некоторые странности, странности с точки зрения правящей элиты, разумеется, а не с обычной человеческой точки зрения. Будучи членом этой самой элиты – и весьма важным, – он, конечно, являлся бессменным членом правящего ПолитСовета и по влиятельности всегда был где-то вторым-третьим человеком в стране, – но обычно стоял как бы чуть-чуть поодаль. И совсем уж своим Премьера там не считали, хотя и обойтись без него не могли.

Так, например, в своих поездках по стране – стремительных, жестких, деловых, которых все местное начальство боялось ужасно (какие там охоты и баньки с водочкой – упаси Бог!) – Премьер иногда, вопреки всем программам поездки, заходил в какую-нибудь маленькую церквушку и стоял там долго. Чтоб молился – не видели, но стоял, думал о чем-то. Кто знает, может быть, о тех, кого он когда-то жестоко убрал со своей дороги. А может, и о тех, кого он мог спасти, но не спас...

А иногда внезапно посещал детские интернаты. Хороводы он там с детишками не водил, но горе было тем сотрудникам, кто украл хоть копейку. Много денег на детдома не получалось выделять, и так уж до черта было дыр в бюджете, но то, что выделялось, должно было тратиться только на детей. Должно было, но... Говорили, что однажды в далекой провинции он в бешенстве сам ударил одного директора детдома, укравшего деньги, специально выделенные на новогодние подарки детям. У того от ужаса случился сердечный приступ.

Обычно после таких поездок местные бизнесмены выделяли значительные пожертвования и в храмы, и в детдома. Потом стали делать и без его просьб, ну, охотно там или не очень, но делали. Знали – Премьер это ценит и учитывает.

Однако он почему-то не выносил, когда к нему обращались с личными просьбами, «клянчили», как он выражался, – даже если просьбы были обоснованы, – и отказывал жестко. Речь тут, конечно, не о бизнесе или политике, а о частных делах.

Жена и сын

Особое место в жизни Премьера занимала семья – жена и сын, и об этом мы скажем подробнее, тем более что именно сын Премьера сыграет заметную роль в дальнейших событиях.

Семья его была своеобразным оазисом, где он был не машиной, а человеком. Он женился по любви на второкурснице своего университета, когда сам уже заканчивал аспирантуру, любил ее всю жизнь и был ей верен, что нечасто бывает у людей властолюбивых. Она же посвятила себя только ему, да еще их сыну. За годы они с женой душевно срослись в одно целое и понимали друг друга почти без слов. Она редко общалась с другими высокопоставленными женами, и те не любили ее, но ей это было все равно. Они ей были неинтересны, и, надо сказать, весьма обоснованно. Их омерзительное самодовольство было непереносимо.

И только ради семьи Премьер мог иногда изменить своим принципам. Был, например, как-то раз такой случай. Мы уже упоминали о его нелюбви к личным просьбам. Но все же однажды жена упростила его принять своих дальних родственников, пожилую пару. С ними случилась беда. История оказалась и мерзкая, и пошлая до тошноты.

Несколько слов курсивом. «Черные риелторы»

На старости лет решили эти старики продать свою неплохую квартирку в центре Столицы, чтобы переехать поближе к детям в дальний район да помочь им материально. Дали по наивности объявление в газете. Тут же на них вышли бойкие и очень ласковые молодые люди из свеженькой риелторской фирмы «Возрождение». Наговорили разных слов, мол, все заботы берем на себя, подсунили всякие бумаги, которых и прочитать-то старики

толком не смогли, а в том числе и генеральную доверенность: «это чтоб вам не бегать, в очередях не стоять», – ну и в результате остались бедняги почти без денег и без квартиры. Что уж там описывать механику обмана – много их есть, и очень разных. В ужасе бросились они в суд. Но этот неожиданно быстро состоявшийся процесс они проиграли при помощи двух лжесвидетелей и очень пристрастного судьи.

И вот уже приходил с предупреждением о выселении судебный исполнитель. Отчаяние заставило их обратиться к родственнице.

Премьер принял их дома, правда, весьма неохотно. Расстроенные старики волновались, говорили много, путано и бестолково, перебивали друг друга, – какой контраст с четкими докладами его вышколенных чиновников. Ну, в общем, он не выдержал и выгнал их, наорав, что нечего, мол, пользоваться родственными связями для устройства «личных делишек». Это было грубо, несправедливо, они в слезах ушли, потом старику пришлось скорую вызывать.

Жена ничего ему не сказала, но он видел ее неодобрение, видел следы слез на ее лице, и это было непереносимо. Премьер, конечно, сразу осознал, что был не прав, сорвался. И сам не понимал, почему он, такой стойкий и выдержанный в борьбе с сильными, так выходил из себя, когда видел ноющих и кланчащих?

Он не стал извиняться, он вообще почти никогда не извинялся, не его стиль. Редкие свои ошибки Премьер исправлял практически.

Через два дня Главный Прокурор неожиданно истребовал упомянутое дело в порядке надзора. Там обнаружили грубейшие нарушения, прокуратура внесла протест, и исполнение судебного решения было приостановлено. А один из свидетелей вдруг явился с добровольным заявлением о подкупе и лжесвидетельстве. Вскоре и судья получила неожиданное приглашение на заседание национальной комиссии по судебной этике. От нее запросили объяснений по поводу ряда однотипно странных эпизодов в ее судебных делах по жилищным вопросам. Судья сразу же слегла, а скоро ей пришлось досрочно оставить работу. Значительно позже, уже после отмены ряда ее решений, по поводу качества ее работы возникли претензии теперь уже и у некоторых неформальных структур, от которых она еле-еле откупилась, потратив все свои немалые сверхплановые заработки и оставшись с хиленькой пенсией и подорванным здоровьем.

А тем временем в фирму «Возрождение» вдруг явилась ревизия. Отчетность и учредительные документы вызвали ряд тяжелых вопросов. Работа фирмы была парализована, зависли несколько крупных сделок очень важных клиентов. Это был характерный стиль команды Премьера – очень тщательная подготовка, а затем стремительная атака с разных сторон.

Три этих красавца, три героя нашего времени – директор, бухгалтер и юрист – в отчаянии помчались за защитой к своей, надо признать, весьма влиятельной и хорошо оплаченной крыше. Но там их встретили хмуро. Выражение «мудаки ср...ые» было, пожалуй, самым мягким из сказанного. Им было объяснено, что свои проблемы они будут решать сами, **если успеют**. И еще им объяснили, **кому** они наступили на ногу. Они ахнули.

Судорожно попыталась эта троица исправить ситуацию, немедленно привезя старикам все положенные деньги, добавив немало от себя, – тут уж не до жиру, быть бы живу. Да добавили еще от себя холодильничек «Стинол»,

да японский телевизор в подарок, да еще кучу извинений («Поверьте, это было просто какое-то недоразумение!»), да еще обещание все перевезти за свой счет. Только очень просили скорей донести до «Самого», что все уже в порядке.

Но было уже поздно, маховик уже раскрутился. Бежать из страны они не успели – куда уж там, такой ход люди Премьера просчитывали элементарно. Двое из них были задержаны на границе и после длительного суда получили свои весьма нехилые сроки, а одного еще раньше похоронили в бетонном блоке обманутые клиенты из «крутых».

Желающие могут поговорить о жестокости нравов, однако заметим, что очень многие другие старики, потенциальные жертвы, были спасены, сами того не зная.

* * *

Спустя некоторое время жена вечером шепнула ему на ухо, обняв:

– У них все в порядке. Тебе передают громадное спасибо.

– Ну ладно, ладно. Ну, я просто устал тогда, – буркнул он, но все же был тронут, что старики не затаили обиду и оценили его помощь.

* * *

Родился у них единственный сын Алеша, любимый и ненаглядный. Он был поздним ребенком. Дважды до того роды у его жены заканчивались неудачно, и только на третий раз, с помощью лучших врачей в лучшей клинике страны, – будущий Премьер тогда уже занимал немалый пост и устроил ее, – ребенка спасли. Долго и трудно выхаживали его, мальчик много болел, рос слабым. Сколько сил было на него положено, сколько труда и тревог – кто испытал подобное, тот знает. И все ж таки он стал такой радостью для обоих, как говорится, – «свет очей».

К семи годам он был уже более-менее здоров, хотя и худеньким, как свечка. Отдали его в обычную школу около дома, учителя там, правда, были неплохие. Премьер не захотел видеть сына ни в одной из трех наиболее известных гимназий Столицы – «золотой треугольник», или «большое Г», как говорили завистники (имея в виду, конечно, расположение этих школ на карте). Туда стремилась отдать своих отпрысков вся столичная элита, чтоб сызмальства входили они в круг будущих властителей страны, завязывали ценные в будущем личные связи.

Но слишком хорошо знал Премьер, какой отвратительный дух царит в этих школах, дух высокомерия и сословного расслоения, соответствующего иерархии постов родителей. А он хотел, чтобы у его сына в будущем были настоящие друзья, а не только богатый букет полезных знакомств.

И это стало еще одной линией раздела между Премьером и властной элитой. Что-то аристократически-презрительное видели они в этом его поступке. Хотя какие уж там аристократы в его роду – он был сыном паровозного машиниста. Впрочем, что ж, это в те времена считалось «рабочей аристократией».

Парень рос, занимался спортом, креп потихоньку. Дворовый футбол, фехтование, прыжки в высоту и даже дзюдо – хоть и без больших успехов. Ах, как изящен он был в белом фехтовальном костюме, в маске, с рапирой – матери очень нравилось, она ходила на все его соревнования. Отцу же больше по душе были броски на ковре – сам в молодости был «вольником» и если что сохранил с той поры, так это умение собираться перед боем.

Учился парень неплохо, но, мягко говоря, без особых успехов. Читал он много и, по мнению отца, всякую чушь – тут все отцы одинаковы. С ребятами сын хорошо ладил, в классе его любили за дружеское поведение и полное отсутствие чванства. Лидером, правда, никогда не был, тут он не в отца пошел.

Где-то с пятого-шестого класса естественно началось увлечение музыкой, всякими модными группами ну и, опять же, турпоходы и гитара – в общем, все, как положено нормальному парню. Вот в это-то примерно время и возникли «посиделки» в доме Премьера, те самые, с которых потом все и началось.

Посиделки

Так уж повелось, что раз в неделю, иногда и чаще, позволено было сыну приводить друзей в свою комнату, которая в такие дни становилась их клубом. Охрана Премьера, правда, была весьма недовольна, но ей пришлось смириться. Тут были свои причины.

Премьер и его жена несколько опасались, чтобы сын не попал в сомнительную компанию, что было не исключено, учитывая, что многие в его школе происходили из бедных и неблагополучных семей. Лучше бы им поменьше болтаться по улицам и быть под некоторым присмотром. Да и самим ребятам хорошее место для их тусовок оказалось весьма кстати. Там они делали, что хотели, ну, в разумных пределах, конечно. Музыка, чай с пирогами и бутербродами – для некоторых, особенно из бедных семей, отнюдь не последней важности обстоятельство, – телик вместе смотрели, ну и разговоры там всякие за жизнь. Нередко, особенно весной, довольно-таки поздно засиживались.

Иногда Премьер сам присоединялся к чаепитию, если возвращался пораньше. Ребята, естественно, сначала очень стеснялись его. Но Премьер все больше помалкивал, внимательно слушал, иногда задавал вопросы, не лез ни с какими нравоучениями, так что постепенно гости к нему привыкли, и в его присутствии тоже свободно болтали обо всем.

С детьми Премьер был совсем не такой, как на работе, он был просто человеком, и они ценили это. Один из одноклассников сына, по понятиям учителей – двоечник и хулиган, заводной и веселый парень Никита, сказал как-то Алеше одобрительно: «А батя-то твой ничего мужик, хоть и Премьер-министр». Когда сын рассказал это ему, Премьер расхохотался, а в глубине души был очень доволен и потом гордо рассказывал помощникам на работе: «...хоть и Премьер-министр!»

Некоторые родители, прослышав, что их дети запросто пьют чай с Премьером, пробовали было использовать это обстоятельство с пользой для себя (не будем слишком строги к ним – у многих были действительно тяжелые проблемы). Он жестко пресекал это. Впрочем, на их детей эту жесткость Премьер никогда не переносил. Возможно, ему приятно было просто посидеть среди ребят, отдохнуть, их юношеская непосредственность так хорошо контрастировала с его обычной средой.

Среди приходивших на посиделки одноклассников сына были двое особенно симпатичных Премьеру – брат и сестра Виктор и Нина. Они росли в бедной семье, жили с матерью в одной комнате в громадной, семей на десять, коммуналке. Виктор отличался серьезностью, несколько даже суровостью, очень рано повзрослел, его и одноклассники, и учителя как-то очень уважали, и даже ребята редко его Витькой звали, чаще – Виктор. Премьера очень радовала его дружба с сыном. Нина же была милая и веселая девочка, на год младше брата, но по специальному разрешению директора учившаяся с ним в одном классе: мать очень просила, чтоб брат мог присматривать за ней. Кажется, она нравилась Алеше, и это была уже достаточная причина для симпатии к ней Премьера. Другая же причина заключалась в том, что девочка напоминала Премьеру (или это только казалось ему?) ту, уже бесконечно далекую, его первую

безответную школьную любовь, о которой он никогда и никому... ну, в общем, ладно, не будем об этом.

Несколько слов курсивом. Однажды в коммуналке

Как-то Премьер, придя домой, увидел сына расстроенным и даже, как ему показалось, заплаканным. Вопреки обыкновению, сын не стал разговаривать с отцом, а, мрачно буркнув приветствие, ушел в свою комнату. Жена взволнованно рассказала за ужином, какая беда случилась с Алешиными друзьями.

За пару дней до этого Виктор и Нина не пришли в школу. Никто сначала особенно не беспокоился – ну, бывает, загрипповали, может. Однако на другой день кто-то из ребят забежал к ним, и выяснились очень печальные дела.

Незадолго до того в их квартире получил комнату новый жилец, сержант полиции, только недавно переведенный в Столицу – местных кадров остро не хватало, а то бы вряд ли его взяли. Полицейские, они ведь люди как люди, и очень даже разные бывают – и хорошие, и плохие, и всякие. Но вот конкретно этот оказался сволочь просто чистой воды, без примеси.

Это был раскормленный детина с громадными кулачищами, невежественный, жестокий и грубый со всеми, а уж особенно с арестованными, при этом весьма угодливый с начальством; хотя, надо признать, он был не трус, и два опасных задержания были на его счету.

В квартире он сразу повел себя по-хамски. В коммуналке жить и так-то было нелегко: одна ванная, один туалет, двенадцать конфорок, забитый хламом коридор с тремя поворотами, – и только выработанная годами и очень зыбкая система договоренностей о порядке пользования этими прелестями цивилизации позволяла людям как-то сносно выживать, хотя и при этом ссор хватало. А этот хрен с горы всем хамил, не соблюдал никаких очередей, занимал ванную, когда хотел и надолго, не делал уборку и тому подобное, но никто ему не перечил – боялись. Прозвище ему в квартире тут же дали – Хряк.

Но это еще полбеды. Хуже было то, что он положил глаз на Нину. Хоть и школьница была, и пятнадцати ей еще не было, но уже физически развитая была и весьма симпатичная. Сержант начал заигрывать с ней, как умел. Говорил ей всякие сальности – видимо, считал их комплиментами: «Ахти, какая у нас попочка хорошенькая», – и норовил уцепиться, а то говорил, направляясь в ванную: «Ниночка, приходи мне спинку потереть», – и хохотал, весьма собой довольный – эту шутку он считал очень остроумной. Нинка шипела, как кошка, и убегала к себе в комнату. Мать и брат не знали, что придумать, ну, только что всегда быть рядом, но ведь не всегда это было возможно. Жизнь становилась невыносимой. Кстати сказать, Алеша был в курсе этих дел, очень страдал, но поделиться с отцом стеснялся. Матери, правда, кое-что сказал.

И вот однажды Нина вечером вышла на кухню. Вдруг Виктор услышал дикий крик сестры. Он выскочил в коридор и увидел, как пьяный Хряк, в своих форменных штанах с лампасами и голый по пояс, прижав девочку к стене, рвал на ней кофточку. Она, одной рукой прикрывая грудь, другой пыталась оттолкнуть его мерзко ухмыляющуюся рожу. «Ну что ты, деточка, ну что ты...»

Брат бросился на него, хотел оттолкнуть, но где там – силы были слишком неравны. Пятнадцатилетний парнишка наткнулся на хорошо поставленный и к тому же встречный удар в лицо от тренированного сильного мужчины. Виктор рухнул без сознания. Нина истошно закричала, вырвалась и бросилась к брату. Выскочили женичины-соседки и тоже закричали, Хряк зло выругался и ушел к себе, понял – перебор. Виктора увезла скорая с тяжелым сотрясением и переломом челюсти.

Приходила и полиция, да только ведь это же были знакомые Хряковы ребята – ну, пошли к нему в комнату, поговорили, да и всё. Заявление соседи писать уже побоялись – «нам еще с ним жить». Нина убежала и спряталась у подруги, а потом уехала в больницу к брату, мать же их слезла с сердечным приступом, и соседки за ней ухаживали.

Премьер слушал жену и чувствовал, что наполняется тихой яростью до ломоты в пальцах. Когда он представил себе, как эта скотина рвет кофточку на груди у девочки... ы-ы-ы, – он скрипнул зубами.

Было уже за полночь, но он позвонил одному из своих помощников. Помощника не очень огорчил ночной звонок, хотя он и собирался уже ко сну. Премьер такими вещами не злоупотреблял, но, если уж позвонил, значит, действительно надо. Еще несколько молодых людей не спали в ту ночь, да и некоторым городским начальникам пришлось встать очень рано.

Утром в эту квартиру вдруг явилась энергичная жилищная комиссия из района (сержант тогда был на суточном дежурстве), разговаривала со всеми соседями обо всех проблемах, ну и заодно – о прошедших событиях. Личный врач Премьера поехал в больницу к Виктору и доложил потом, что дела там хоть и неважные, но поправимые, и что будет сделано все, что нужно, и более того. Матери тоже, конечно, оказали необходимую помощь.

Уже к середине следующего дня подробный отчет о происшествии и все сопутствующие материалы были у Премьера на столе.

Через три часа выжимка из этой папки поступила секретарю Министра внутренних дел с грифом «ВС» (весьма срочно, уже следующий по срочности гриф ВВС использовался только при возникновении угрозы национальной безопасности, или при катастрофах).

Несколько слов курсивом. Вальтер

Глава МВД генерал Вальтер только успел начать читать документ, как раздался звонок. Министр едва успел поздороваться, как в ответ услышал:

– А знаешь, чем ты отличаешься от куска дерьма?

Это было очень плохое начало. Старик был явно взбешен, и видно, что лучше было ему не перечить сейчас. Ни от кого другого глава МВД не потерпел бы таких слов, даже от Председателя ПолитСовета (в дальнейшем – ППС), которому Вальтер подчинялся напрямую. Давно уже не мальчик, чтоб с ним так разговаривать, что бы он ни натворил. Но тут был совсем особый случай.

Они были когда-то ребятами с одного двора, Премьер был на девять лет старше руководителя МВД. Уже тогда будущий Премьер выделил почему-то среди дворовой мелкоты толкового и смелого мальчишку, отец которого погиб однажды ночью от ножа каких-то негодяев, пытаясь защитить женичину. Старший друг начал покровительствовать ему, не дал пропасть в кругу

местной шпаны, большая часть которой потом плохо кончила, фактически стал для него старшим братом, хотя и довольно суровым.

Кличка парня была Вальтер. Как-то маленькие мальчишки во дворе играли в войну, бегали с игрушечными пистолетиками, кричали, бравирюя звучными иностранными словами: у меня кольт! у меня браунинг! у меня маузер! Один мальш не знал, как назвать свой смешной самодельный деревянный пистолетик, и стоял, расстроенный. Проходивший мимо старшеклассник усмехнулся и подсказал ему название.

– У меня вальтер! – радостно закричал мальчишка и побежал к своим приятелям. – Вальтер, вальтер! Пиф-паф!

А потом почему-то к нему же это слово и прилипло.

И впоследствии, на всем своем пути к вершинам власти, Премьер тянул за собой «младшего брата», заставлял учиться и учил работать, пинал, ругал, но тащил и тащил по карьерной лестнице. И, став уже Премьером, добился-таки сложными интригами назначения своего протеже на пост главы МВД, хотя, вообще-то, силовые министры были вне его компетенции. Вальтер никогда не забывал своего погибшего отца и поэтому был неподкупен, хотя пытались купить его не раз.

После назначения Вальтера министром Премьер подарил ему гравюру с изображением старого китайца.

– А это кто такой?

– Святой, покровитель всех министров внутренних дел, – усмехнулся Премьер.

– Что ты несешь? – засмеялся Вальтер.

– Это Конфуций, один из величайших философов мировой истории. Такие вещи сам должен знать. Так вот, он десять лет был министром внутренних дел в китайской провинции Лу.

– И как, успешно?

– И да, и нет. Преступность он действительно искоренил, причем крайне жестоко, запугав при этом все население, хотя философом был гуманным. Но, когда его вынудили уйти, все быстро вернулось на круги своя.

– Значит, все впустую? – удивился Вальтер.

– Не совсем. Через несколько веков его философские идеи стали постепенно завоевывать умы китайцев. И, может быть, для уменьшения преступности это в итоге дало гораздо больше, чем его жестокость. Но, увы, нескоро. Ты лучше почитай его сам, хотя бы сжатое изложение его идей. Потом еще скажешь мне спасибо.

– Ладно, почитаю, ты мне пока что плохих советов не давал.

Вальтер стал Премьеру надежной опорой, и хотя давно уже и сам превратился в крупную политическую фигуру, но на всю жизнь сохранил бесконечное уважение и благодарность старшему другу. Из-за той старой дружбы глава МВД являлся одним из немногих людей в Правительстве, кто был с Премьером на ты.

А что касается грубых этих слов, то это было известное выражение из их детства. «А знаешь, чем ты отличаешься от куска дерьма? А ничем!» Когда мальчишки во дворе ругались, это было у них самым последним, не прощаемым оскорблением. После этого уже обязательно начиналась драка.

* * *

«И что он так разъярился из-за этой истории?»

– Я не...

– Папку смотрел?

– Да, только что открыл...

– Ну и уроды же в твоей епархии!

Сколько «уродов» у него в ведомстве, министр знал лучше, чем кто-либо другой, но очень не любил, когда ему на это указывали. «Где я им возьму других? И так-то работать почти некому».

– Ну, уволю я его, уволю, сегодня же...

Премьер молчал.

– Ну что, что ты еще от меня хочешь? Судить его?

Как же он не любил суды над своими сотрудниками! А в этот раз, похоже, придется. Но Премьер продолжал молчать. И тут Вальтер начал догадываться (если б не умел, не стал бы министром!):

– Так ты что же, хочешь, чтобы... – он осекся.

– **Решь этот вопрос сам, и быстро!** – рявкнул Премьер и бросил трубку.

«Ну, дела!» – удивился Вальтер. Давно уж такого не было. Но уже через полчаса из доклада его людей все стало ясно.

Через день Хряка срочно послали в командировку. В составе сборной команды из разных отделений он был направлен в соседний город для помощи местной полиции при конвоировании в Столицу большой группы особо опасных преступников.

Ехать надо было в ночь. Ребята все подобрались компанейские, ну и, ясное дело, квасили почти до четырех утра. Пospали немного, а когда утром прибыли, сержант куда-то пропал. Черт его знает, куда он делся. Лишь через два дня только нашли его на перегоне под насыпью. Зачем-то ему ночью понадобилось открыть дверь в тамбуре, проветриться, что ли, захотел, да вот сорвался и разбил башку об опору. Все участники злополучной пьянки получили по строжайшему взысканию, что, впрочем, дальнейшей их карьере ни в малой степени не помешало, скорее, наоборот.

* * *

Несколько слов курсивом.

Ой-ой-ой, а что это там за шум на лестнице? А это, наверное, уже бегут господа моралисты, похоже, сейчас кого-то топтать будут. Не иначе – автора. «Народ несется толпою», как писал классик, правда, несколько по иному поводу. Ну что ж, если какой-то читатель подумал, что Премьер был ангелом, то автор этого никоим образом не утверждал.

* * *

Однако мы что-то сильно отвлеклись. Пора двигаться дальше.

Политех

В последние два года школы Алеша как-то вдруг резко повзрослел и начал усердно заниматься, и притом без всякого давления родителей. Впрочем, такое нередко бывает, удивляться тут особо нечему. Так что, окончив школу, без всяких проблем поступил он в Политехнический, о чем давно мечтал. Ну да, знали, знали они там, конечно, чей он сын. Но парень был готов хорошо, в чем с удовольствием убедились экзаменаторы, и чужое место Алеша не занял.

Столичный Политех был институт знаменитый, можно сказать – легендарный. Если молодые люди, желавшие сделать карьеру, предпочитали поступать в Университет, в Юридический, в Дипломатическую Академию, Экономическую Академию и так далее, то в Политех шли самые головастые, самые спортивные, самые рискованные ребята и самые красивые девчонки.

Так, во всяком случае, говорила легенда, самими же студентами-политехниками сочиненная и весьма пропагандируемая. Студенты других институтов ее отнюдь не поддерживали, но в народе она была популярна. Среди столичных девиц иметь кавалером студента Политехнического считалось престижным, а в национальных студенческих спортивных соревнованиях четверть медалей всегда была за ними. Интересно, что та же четверть научно-технических кадров ВПК, да и значительная доля управленцев среднего и даже высшего звена была оттуда же – из Политеха. Впрочем, по числу приводов в полицию политехники также были первыми, причем с большим отрывом.

Вольнодумство там тоже не переводилось со времен царя Гороха – собирались всякие кружки по поиску Шамбалы, или, там, Высшей Истины, или Справедливости для Народа. Все попытки властей оное вольнодумство пресечь кончались ничем. Какие бы строгие решения ни принимались наверху, бывшие студенты, занимавшие немало разной важности постов во всех сферах, не сговариваясь, как-то невзначай сводили на нет все атаки на свою Alma Mater. И даже те из них, кто был вполне лоялен властям, в этом вопросе были солидарны.

Несколько слов курсивом Необычные экзамены

Был однажды случай, когда свежее испеченный директор Службы Безопасности, продавленный на этот пост лоббистами ВПК, по прозвищу «Железный Алекс», решил показать всем свои возможности – он давно уже спал и видел себя в роли диктатора-спасителя в разболтавшейся этой стране. Как-то ночью были арестованы члены нескольких кружков. Было это в мае, накануне зачетной сессии. А через день студенты расселись на травке вокруг факультетских корпусов и углубились в свои конспекты. Внутрь почти никто не заходил. Вокруг толпились любопытствующие горожане и пресса, в том числе иностранная.

Всем желающим понять происходящее с милой улыбкой объясняли: «Какая политика, о чем вы? Никакой политики. Это ГосТехНадзор запретил. А мы просто выполняем закон». И они показывали размноженную на ксероксе копию акта вышеуказанной организации двухлетней давности. В этом акте констатировалась полная непригодность большинства помещений института к эксплуатации (ну, кроме ректорского корпуса, конечно – там-то мрамор и зеркала!) и запрещалось их использовать для занятий.

Денег на ремонт, конечно, тогда не нашлось, и постановление тихо запрятали под сукно, но эти стервецы где-то его раскопали. По правде, половина учебных заведений страны была в еще худшем состоянии, да и вообще, большая часть законов и постановлений в стране не выполнялась по причинам, в основном, экономическим. Но когда-то ведь надо начинать

выполнять законы, не так ли? Преподаватели поддержали, профессора и доценты начали принимать зачеты прямо в парке Политеха.

На следующий день в иностранной прессе появились снимки «экзаменов на травке» и обваливающихся потолков в аудиториях. В других вузах начались похожие брожения.

А на внеочередном заседании ПолитСовета состоялся короткий и злой разговор. Тыча пальцем в газету, Председатель, не скрывая ярости, орал:

– Нам это надо? Нет, нам это надо, а? У нас, что, мало других проблем? У нас вчера было двести диссидентов, а сегодня уже пять тысяч! А завтра что будет? Ну, вот на хера это было нужно делать, ... твою мать? На хера вы мне втюхали этого дурака? Мозги-то надо не железные, а нормальные иметь!

ППС вовсе не сочувствовал студентам, он просто был реалистом, умным и циничным. «Не надо начинать то, что нельзя закончить», – всегда говорил он. А в политически неспокойной стране экономических проблем, коих полно, не решить. Кроме того, он с опаской относился к честолюбивому «Железному Алексу» и весьма неохотно согласился на это назначение. А тут появился шанс отыграть назад.

Представители ВПК в ПолитСовете защищались вяло. Железяка, похоже, действительно сглупил – ну, кому они особенно мешали, мистики эти чокнутые? Кто-то буркнул: «Чижика съел», но это замечание осталось непонятым. А еще ведь надо было считаться с сильным недовольством многих бывших политехников, возглавлявших важнейшие военно-технические работы. Короче, будущая блестящая карьера «Железного Алекса» закончилась, едва успев начаться. Ребят и девчонок выпустили, да вдобавок еще пришлось ВПКовским зубрам, скрипя зубами, найти у себя деньги на косметический ремонт в Политехническом.

* * *

Итак, Алеша поступил, и началась студенческая бурная жизнь. Парень он был симпатичный, девушки на него сразу обратили внимание и, отдадим им должное, вовсе не потому, что он был сыном Премьера. Ему тоже понравилась одна однокурсница. Она-то и привела его однажды на занятия в альпинистскую секцию, в которой занимался ее старший брат.

Альпинисты

Это было показательное занятие для первокурсников. Ржаво-кирпичная стена спорткафедры была метров двадцати высотой, с очень удобными для лазания выступами. Несколько ребят и девочек в легких ветровках, рейтузах и галошах, обмотанные по груди какими-то толстыми веревками (это называлось *обвязка*), в поясах с нацепленными карабинами, ходили, деловито и тихо переговариваясь между собой и громко – с теми, кто на крыше обеспечивал верхнюю страховку. Они делали вид, что не замечают устремленных на них глаз новичков. Потом эти ребята по очереди ловко уходили наверх, а некоторые почти бежали, приводя неопытных зрителей в ужас и восторг.

Потом предложили новичкам:

– Ну, кто хочет попробовать, кто смелый? Жизнь гарантируем!

Несколько человек выступили, и Алеша тоже. Он знал – она смотрит. Старший инструктор почему-то выбрал его первым. Его обвязали, надели пояс, пристегнули карабины, что-то

объяснили напоследок, – он от волнения сразу все забыл, – и он пошел вверх. Начал неплохо, кирпичные выступы у стены были большие и удобные.

Но скоро порыв ветра чуть развернул его, он непроизвольно посмотрел вниз, от чего его предостерегали, равно как и от взглядов в небо. В животе стало муторно, левая нога затряслась мелкой противной дрожью, и никак ее было не остановить. Это голова его знала про верхнюю страховку, а все инстинкты вопили: о, как страшно! Он вцепился двумя руками в выступ, прижался лицом к холодному кирпичу и не мог двигаться. «Боже, как стыдно, все смотрят, и она...» Но что, что же делать?

Но тут он вовремя вспомнил про булавку у пловцов. На мгновение освободил он левую руку и больно ущипнул себя за бедро, еще раз и еще раз, и дрожь пропала на время. Теперь хоть один шагок вверх надо. Так, нога, рука, рука, нога. Еще бы пару раз. Получилось! Несколько раз нога снова принималась за свое предательское дело, но он уже научился ее укрощать.

Вдруг сверху и совсем близко послышался голос:

– Ну, давай же, давай, все нормально, уже почти дошел! – Он выбрался на крышу, руки-ноги были как не свои, хотелось сесть.

– Вниз пойдешь, нет? – Парень в красной пуховке заглянул ему в лицо. – Ладно, похоже, хватит тебе на первый раз, – и стал отстегивать ему карабин.

Он спустился через чердак на лестницу и хотел было уже ускользнуть, никого больше не видеть и никогда больше сюда не приходить, но внизу у выхода был перехвачен парой сияющих глаз и отконвоирован назад к группе.

Незнакомый высокий человек в синей куртке положил ему руку на плечо:

– Нормально прошел, парень. А мандраж – это ничего, это тоже нормально. У меня в первый раз еще и похуже было. Иди-ка вон туда, запишись.

Слово «нормально», видимо, было основным у него в лексиконе. В другое ухо тут же влился восторженный шепот:

– Это же знаешь кто? Это же сам Высокий тебя похвалил!

* * *

– Так, фамилия, имя, факультет? – Его знаменитая фамилия тут как-то никого не взволновала.

– Короче, Склифософский, в пятницу едем на Корды. С Северного электричка в 20:15 на Озёра, мы в третьем от головы. Все понял?

Он растерялся:

– От какой головы? – и вокруг засмеялись. Она взяла его под руку:

– Пойдем, все объясню.

Вот так-то оно все и началось.

* * *

Лет за тридцать до этого старый профессор из Горного привел группу молодых ребят, горняков и политехников, к этому месту. Это были несколько живописных, почти стодвадцатиметровых скальных образований на берегу пары очень тогда еще прозрачных озер, километрах в ста к северу от Столицы. Ребята были в восторге, и кто-то из них сказал тогда в шутку: «Ну, это же просто Кордильеры!» Так и пошло с тех пор называться это место – Кордильеры, а чаще коротко – Корды. Политехники, а за ними и все столичные альпинисты с тех пор превратили это место в постоянный лагерь для тренировок и соревнований. Вот туда-то и попал Алеша в очередной ежемесячный выезд.

Все было внове для него – и каменное очарование Корд, и сильные и отважные люди, взбирающиеся по ним, и непостижимое вначале искусство скалолазания – даже на небольшой четырехметровый камушек как-то непонятно было, как залезать. А тут еще и завораживающие вечерние костры с потрясающими историями и с обязательной порцией страшилок для новичков – про Черного Альпиниста, Белую Женщину, Джан-Туганского карлика, снежных людей, таинственного радиста и тому подобное. А ты не смейся, читатель, не смейся, это все с книжечкой на диване не страшно, а ты вот ночью у костра послушай, когда ветер шумит в черных ветвях над головой!

Ну и гитара, конечно, и новые, доселе им не слышанные, мужественные и красивые песни, которые несколько дней крутились потом у него в голове:

...Тот камень, что покой тебе подарил...

И что-то сжималось в горле...

* * *

Посиделки в комнате сына продолжались, но состав участников стал меняться. Появилось много новых лиц, альпинистская и околоальпинистская публика, некоторые новички даже приходили, из пижонства, в штормовках, и смотрелись весьма импозантно. Вскоре, к ужасу матери, комнату сына стало заполнять разное горное снаряжение – рюкзаки, штормовки, ледорубы, громадные ботинки с какими-то железными зубьями – трикони, немыслимое количество всяких веревок...

– Ну, мама, не ругайся. Так надо.

– Ты что там у них, завхоз? – посмеивался отец. – Ну, смотри, завалишь мне сессию – мало не покажется.

Сын выкладывал уже припасенный козырь:

– Между прочим, батя, средний балл у наших ребят выше, чем...

– Ага, выше, чем у гиревиков, – смеялся отец.

– Да ну тебя – выше всех вообще, к твоему сведению. И ректор, между прочим...

– Ладно, ладно, ты сам учись, а то средний балл, понимаешь...

* * *

Вторым после тех осенних Корд потрясением для Алеши была летняя, после первого курса, поездка в горы, в альплагерь Сансуг. Стоя на зачетной вершине и глядя в эту кружащую голову даль, он испытал нечто, как сказать... Ну, в общем, кто был, тот знает, а кто не был – тех навсегда жаль, думал он. И тогда же решил он, что это все вокруг, все эти горы – это его судьба.

А что думала об этом сама Судьба, выяснится только через много лет.

В тогдашнем солнечном и радостном сентябре второго курса Алешина комната и в дни посиделок, и не только постоянно была наполнена веселыми загорелыми ребятами и девчонками, иногда и людьми постарше. Шли бесконечные разговоры о летних восхождениях и планах на будущее. Публика эта была, в общем, симпатична Премьеру, хоть и редко он их видел: поздно приходил. Что-то в них было особенное – а может, ему только так казалось? – в этих альпинистах. Взрослость, что ли, какая-то повышенная ответственность, несмотря на их постоянное ребячество, подначки и хохот. Может, и не случайно это было – за ошибки в горах плата слишком высокая.

И вот однажды Премьер уехал с работы очень рано, неважно почувствовал себя, тяжесть какая-то в груди. Мысли были мрачные, недолго уж, видно, оставалось ему небо коптить. Но

он поспал часик, и полегчало. То был как раз день посиделок. Вопреки обычному разногласному гомону, из комнаты сына доносился только один голос, хотя народу, судя по вешалке в прихожей, пришло много. Он налил себе чаю и вошел. «Продолжайте, продолжайте, я тут с краешка посижу, послушаю».

Во главе стола сидел высокий, с суровым обветренным лицом человек. У него не было двух фаланг на пальцах левой руки, и именно его-то рассказом все и были поглощены. То был известный всему альпинистскому сообществу страны восходитель, – мы будем называть его Высокий, – тот самый, что подбодрил Алешу у спорткафедры. Тот вечер получился очень длинный, и то, что он услышал, взволновало Премьера гораздо более, чем он мог ожидать.

А Высокий рассказывал в тот день о *Живой Долине*. О легендарной этой долине Премьер, конечно, что-то слышал и раньше, но знал о ней примерно столько же, сколько о Шамбале, то есть практически ничего.

Автор здесь воспроизведет рассказ Высокого, дополнив его многими подробностями, которые Высокий опустил, поскольку многим слушателям они были известны, а также началом, которое Премьер пропустил. Пусть простит автора милосердный читатель, но рассказ получится очень длинный.

Рассказ Высокого

Сказки о Долине

В южной части Большой Страны находится громадный горный массив, называемый Южные горы. Этот район был присоединен к Большой Стране лет двести назад после разных военных и дипломатических перипетий. Западная их часть была неплохо освоена, там были более плодородные земли и сравнительно (но только сравнительно!) приличные дороги, добывались какие-то руды и уголь, позже были построены санатории, курорты, недалеко было Синее море, и местные люди жили не слишком бедно, особенно *некоторые*. Среди вершин были два семитысячника, несколько шеститысячников и пятитысячников, вокруг них выросли за последние лет штурк пятьдесят альплагерей разных ведомств и институтов.

Восточная же часть Южных гор природой была одарена скупой. Плодородной земли, полезных ископаемых там оказалось немного. Высоких гор тоже не было, и альпинисты там редко появлялись. Санатории были, но мало, только в предгорьях. Народ там жил в основном бедный, довольно малообразованный, весьма склонный верить местным преданиям, мифам, предрассудкам, сплетням в большей степени, чем своим глазам.

Среди этих преданий особенно популярным был ряд сказаний о некоей удивительной долине, называемой в разных селениях по-разному – Долина Жизни, Долина Белого Барса, Изумрудная и так далее. В этой долине якобы имеются несметные сокровища и творятся разные чудеса, особенно касающиеся здоровья и долголетия. Большинство первых собирателей местного фольклора относились к этим легендам просто как к сказкам. Хотя некоторые попытки найти долину были предприняты офицерами расквартированных там частей, но оказались безуспешными.

Типичная, можно сказать классическая, легенда выглядела примерно так. Некий молодой удалой охотник ушел как-то в горы и не вернулся. Все считали его погибшим, однако через несколько месяцев он появился, к всеобщему удивлению. Был он весь покрыт страшными шрамами, но жив и, в целом, здоров. Рассказал он, что встретил на охоте редчайшего белого барса – добыть такого было заветной мечтой каждого охотника. Преследуя барса, забыл он о всякой осторожности, непостижимым образом забрался на немыслимую кручу и уже не знал, где находится. Тут-то, на хребте, барс и напал.

Охотник ранил его ножом, но в схватке и сам получил страшные раны. Он понимал, что с такими ранами он не жилец. Заметив где-то внизу ручей, охотник из последних сил начал спускаться, поскольку очень хотел хотя бы напиться воды перед смертью. Дальше он ничего не помнил, а через какое-то время очнулся на берегу ручья и удивился, что еще жив. Более того, оказалось, что раны его невероятно быстро заживают. Он говорил, что там вода и сам воздух действуют, как самое лучшее лекарство, и что в лесу немыслимое богатство дичи и плодов. Пожив там какое-то время и полностью выздоровев, он стал искать выход, но выяснилось, что он находится в долине, окруженной очень крутыми склонами. Охотник не мог взобраться на скалы и никак не мог найти место, где он спускался. Однажды он снова увидел высоко на скале белого барса и понял, что это не случайно. Охотник полез в том направлении и на этот раз смог с огромным риском вылезти на заснеженный хребет. Там, на хребте, опять повстречал он барса и увидел, что зверь тоже покрыт шрамами. Долго стояли друг против друга два могучих красавца, и охотник сказал ему:

– Я хотел тебя убить, а ты мне показал выход, спас меня. Теперь я твой брат, и я никогда не буду больше убивать барсов.

Барс не напал на него, а стал спускаться с другой стороны хребта, и охотник, следуя за ним, хоть и с невероятными усилиями, тоже смог слезть вниз и вернуться домой.

Охотник этот, по преданию, прожил сто двадцать лет и отличался крепким здоровьем и веселым нравом.

– Я видел рай и даже жил там, – смеялся он. Однако вести кого-либо в это место он категорически отказывался. – Я точно знаю: нам туда не дойти, такой этой трудный путь, а если б даже и дошли, то уже не вернуться, – говорил он. – Не возьму я такой грех на душу. Кого надо, Всевышний сам приведет. А мне уже и то счастье, что эта долина есть на свете.

Предания о других людях, кому выпало побывать там, были схожи, иногда только счастливчик попадал туда не через скалы, а по каким-то подземным пещерам, полным сокровищ, унести которые, однако, почему-то не удавалось. По сказкам, только те люди могли попасть в эту долину, кому очень нужно было выздороветь. И люди, возвратившиеся из нее, всегда отличались удивительным здоровьем, добротой и веселостью.

– Злые не возвращаются оттуда, – говорила одна местная старуха.

Все местные жители гордились этой сказочной долиной, как национальной святыней, хотя никого, кто там был, так и не удалось найти ни разу за два века. Люди из Большой страны считали эти легенды просто сказками, сочиненными для своего утешения бедняками, чья жизнь была так трудна.

Живой

Однако лет восемьдесят тому назад долина была неожиданно найдена примерно там, где и указывали легенды. В том районе проводила съемку военно-топографическая экспедиция ГенШтаба, руководил ею известный путешественник майор Живой. Благодаря уникальным погодным условиям, сложившимся тогда, четверем особо подготовленным военным топографам удалось пройти обычно невозможным маршрутом по *ныне исчезнувшему* леднику и выйти на один из хребтов, окаймлявших долину. Высотой он был более четырех с половиной километров. И с этого хребта им открылось поразительное зрелище.

Это была долина удивительной красоты, ранее ничего подобного эти немало повидавшие путешественники не видели. Несмотря на нехватку времени, некоторое время они просто сидели в полном обалдении, глядя вниз. И даже весьма суровый Живой, их командир, не терпевший пустого времяпровождения, сидел вместе со всеми, повторяя иногда лишь: «Да-а, братцы...» Долина располагалась на высоте около трех тысяч метров, и имела в плане вид банана, вытянувшегося километров на семьдесят приблизительно с севера на юг, шириной километров двадцать и была окружена высокими и крутыми хребтами. Спускаться в нее без специального снаряжения было немыслимо. Сама долина поросла лесом, а по дну ее протекала речка.

Трудно описать словами, в чем именно заключалось очарование именно этого места, ведь и леса, и реки есть почти в любой долине. То ли это был изумительно радостный сочный изумрудный цвет листвы, то ли немыслимая игра света на окружающих скалах, то ли что-то совсем уж иррациональное, не поддающееся объяснению, – но смотревших на нее сверху она просто околдовала.

Световой день был короткий, пришлось топографам померзнуть всю длинную ночь в маленькой палатке. Но мысли о чудесной долине грели их. На следующее утро она показалась им еще более прекрасной. Они сумели провести несколько измерений, приблизительно наметив контуры долины, и прошли ледник обратно еще засветло, а в базовый лагерь спустились уже в темноте.

Своими возбужденными рассказами об увиденном эти четверо завели всю экспедицию. Они были как пьяные и непрерывно говорили об этой долине. Даже майор Живой выглядел

необычно. У вечернего костра он дал команду налить всем спирту и сказал: «Ничего подобного я в жизни не видывал. Я все силы употреблю, чтоб прийти сюда снова и спуститься вниз. Бог даст, на следующий год получится. Надобно только раздобыть такое снаряжение, какое используют альпийские жители». Тогда еще слово «альпинизм» было не в ходу. Тут же многие солдаты и волонтеры стали просить его взять их с собой в следующий раз на любых условиях. Долина околдовала их всех. Вскоре она была нанесена на карты Генерального штаба как «Долина Живого», но все звали ее Живой Долиной.

К сожалению, в последующие годы никому уже не удавалось пройти тем же путем – тот ледник покрылся гигантскими трещинами и стал практически непроходим, а затем вообще исчез.

Новую экспедицию Живому организовать не удалось. Большая Страна вступила в Большую войну, и всем стало не до экспедиций. Во время войны Живой умер от тифа, также и среди остальных членов той экспедиции многие погибли, были ранены или умерли. Через несколько лет после войны некоторые участники того путешествия пытались возродить идею нового путешествия к Долине, но не нашли поддержки.

Идея то затухала, то возрождалась, в основном в разных религиозно-мистических кружках, обычно ни к каким серьезным действиям неспособных. Потом была другая Большая война, еще более страшная, и лишь спустя многие годы опять возобновились периодические разговоры и чтение разных напечатанных на машинке сомнительной достоверности текстов о Живой долине в среде альпинистов, геологов и так далее.

К тому времени в Большой Стране уже сложился заметный отряд высокочеловеческих восходителей, покоривших уже все, что можно, у себя дома, и начавших успешно выступать на мировой арене. Особенно рвались они, естественно, в Гималаи. Препятствием служила лишь чрезвычайно высокая стоимость экспедиций на гималайские восьмитысячники.

В этом сообществе уже сложились свои традиции, обычаи, стиль, фольклор, и неувядающая сказка о Живой Долине занимала там свое, довольно скромное место. Разных сказок все уже наслушались немало, и большинство альпинистов относились к ним скептически. Солидных карт района не было, военные, конечно, работу Живого засекретили. Никаких серьезных попыток добраться туда долгое время не предпринималось: чисто спортивные достижения и высота покоренных гор ценились тогда обычно более всего, а Живая Долина никаких подобных лавров не обещала.

Кентавр

*Чтоб жизнь
наделить величьем,
Надо лишь помнить,
Что желудь здесь –
зародыш лесов
В верховьях небес.*

(Эмили Дикинсон)

Кто знает, когда бы еще созрела идея новой экспедиции к Живой Долине, если бы не случай. Как-то однажды Высокий заскочил по старой студенческой привычке в Академкнигу, ту, что в Пограничном переулке. Просто хотел от внезапного дождя спрятаться, полистать книжки да поболтать со знакомыми продавщицами о новинках. Помимо профессионально нужной ему литературы (он был инженер-проектировщик бортовой электроники на крупной авиационной

фирме), Высокий еще любил рыться в исторической и «литературной» литературе. И тут вдруг он видит такое:

К. Хирон «Эволюция мифа и структурные инварианты. Опыт нового анализа мифов». Издательство «Научное слово». Тираж 300 экз.

Книжка была в дешевеньком зеленом картонном переплете. «Не просто Хирон, а К. Хирон, надо же! Эстет, блин...» Научные книги обычно не подписывают псевдонимами, и Высокий скептически открыл этот неказистый томик. Так, смотрим оглавление. И неожиданно видим: «Глава 17. Структурный анализ легенды о Живой Долине».

И тогда несколько нот великой музыки Бетховена вдруг постучали в сердце Высокого:

* * *

Два слова курсивом. Зов судьбы

Бетховен говорил об этих нотах, как о главном мотиве первой части своей Пятой симфонии: «Так судьба стучится в дверь» (примечание, украденное автором из одной энциклопедии).

* * *

Высокий простоял с книгой час, потом купил и читал ее дома весь вечер. Книга была сугубо научной, насыщенной специальной терминологией, разбираться в ней было непросто. Мысль автора, как ее понял Высокий, была примерно такова.

Возникший однажды миф (былина, сказка, легенда...) претерпевает в процессе исторической эволюции значительные изменения, но некоторые сюжетные и лексические элементы и соотношения между ними или остаются почти неизменными, или, чаще, изменяются, но по определенным правилам. Это и есть структурные инварианты. Их набор в данном тексте дает важную информацию, в том числе о происхождении мифа. Это в какой-то мере было известно и ранее. Заслуга автора заключалась в акцентировании указанной идеи и в существенном пополнении этой коллекции инвариантов с претензией на полноту. В частности, он утверждал, что по структурному набору мифа, прежде всего по сочетанию инвариантов, можно сделать важные выводы о достоверности излагаемых в нем событий. В качестве примеров был разобран ряд известных сказаний, причем относительно изображенных в них событий имелись серьезные исторические документы, и было показано, что предложенный метод работает.

А затем на основе этой теории делался ряд предсказаний. И в главе о Живой долине четко говорилось: «Таким образом, на основании приведенного выше анализа можно с большой уверенностью предполагать, что в районе Ближнегорья действительно находится долина с уникальными климатическими условиями, оказывающими целебное воздействие на людей и животных. Вероятно, это как раз Долина Живого». И далее: «Организация серьезной экспедиции в указанный район представляется вполне оправданной».

Последнее замечание несколько выделялось своей неожиданной резкостью в данном академическом историко-лингвистическом труде, и Высокий даже подчеркнул его. Впоследствии, впрочем, все объяснилось.

В тот вечер он заснул поздно, долго ворочался и всю ночь во сне слышал почему-то переливчатый звон колокольчиков и детский смех – такой же, как на площадке детского сада под его окнами.

* * *

На другой же день Высокий разыскал издательство «Научное Слово».

– Мы, вообще-то, псевдонимы не раскрываем, – вздохнув, сказал ему сотрудник издательства, – но теперь уже можно. Он умер позавчера. Завтра хоронят.

На похоронах Высокий встретил знакомых, и те рассказали ему историю покойного. Альпинист, студент филфака, после третьего курса, будучи в альплагере, он на восхождении сорвался и получил перелом позвоночника. Ноги отказали. Невероятными усилиями, в инвалидной коляске, с постоянной помощью друзей, он продолжил учиться. О нем писала городская газета. Ночами он плакал от боли. Врачи говорили – шансов на восстановление нет. Однажды он наткнулся на легенду о Живой Долине и уверовал в нее, как в свой единственный немислимый шанс. А вдруг путь в нее действительно найдут, и она спасет его?

Но сам-то он пойти никуда не мог. Тогда он стал лингвистом и поставил себе цель: анализом текстов доказать реальность Живой Долины – может, кого-то это зацепит. Пришлось «врубаться» в историю, лингвистику, математику и еще много во что. Так родилась его научная концепция структурных инвариантов. Специалисты полагали, что из нее может получиться серьезная работа высокого уровня. А ему нужны были не научные лавры, а только одно – ходить.

Но в конце концов непрерывная боль доконала его. Он сам сравнивал себя с легендарным кентавром Хироном, воспитателем Геракла, умиравшим от яда в страшных мучениях. Он только успел увидеть свою напечатанную книжку со сжатым изложением своей незаконченной теории – и ушел навеки в иную долину, где нет боли.

* * *

Когда скромный гроб опускали в могилу, в памяти Высокого вдруг всплыли слова старой песни, которую ему в детстве пела мать:

*...Спасибо за вашу работу.
Вы землю просили –
Я землю вам дал,
А волю на небе найдете!*

Высокий стоял и смотрел, как комья земли со стуком падают на гроб. Вот и все, альпинист...

Высотники

*Двери наших мозгов
Посрывало с петель
В миражи берегов,*

*В покрывала земель,
Этих обетованных,
желанных –
И колумбовых,
и магелланных.*

(В. Высоцкий)

На какое-то время книга Хирона стала настольной для группы энтузиастов во главе с Высоким. И они тогда решили все-таки пройти в Живую Долину. В группе Высокого ядро составляли Крис, Ледокол, Арамис, Солдат и еще кое-кто, о ком мы скажем позже. Многие были мастера спорта и КМСы, и о каждом мы постараемся рассказать в свой черед. Эта команда входила в альпклуб Политехнического института «Высота», а их самих нередко звали просто Высотники.

Начать надо было с карты. Пустив в ход все за много лет наработанные связи, они раздобыли копию копии генштабовской карты, но неясно было, насколько она искажена. Вот тут-то Крис, библиотекарь по профессии, всех удивил, раскопав в немецком географическом журнале «Глобус» немыслимой давности довольно подробный рассказ неизвестного человека с оригинальной фамилией Шмидт об экспедиции Живого. Там же была приложена контурная карта района, намеченная тогда топографами экспедиции. Она неплохо соответствовала генштабовской карте, и все сочли это доброй приметой. Откуда Шмидт это все узнал и кто он вообще такой, навсегда останется неизвестным.

В течение нескольких последующих лет они посвящали начало, а чаще конец сезона попыткам пройти в Долину, но все как-то получалось неудачно. Июль-август уходили на спортивные восхождения и работу в качестве инструкторов в альплагерях. На Долину у них оставалась неделя в конце августа, ну десять дней, не больше, потому что в начале сентября там, в районе Ближнегорья, всегда почему-то начинался длинный сезон дождей. В это время любые передвижения в горах становились и мучительными, и опасными, и идти в Долину было практически невозможно. Но этой недели для альпинистов такого класса было бы вполне достаточно. Было бы, но...

В первый раз, как только компания Высокого, завершив плановые восхождения, собралась уже было в Ближнегорье, ее вдруг внезапно вызвали на серьезные спасательные работы. Две группы разрядников зависли из-за непогоды на высоте 4800 метров. Спасработы – это святое, неделя ушла на эвакуацию больных, раненых и погибших, так что на Долину времени не осталось.

В начале следующего года автобус, в котором группа ехала в Ближнегорье, упал в кювет, несколько пассажиров из местных пострадали. С альпинистами ничего не случилось, но сначала на доставку пострадавших в больницу ушло время, а потом у них вышел конфликт с местным следователем. И тот сперва взял с них подписку о невыезде, пока не дадут показаний, а затем куда-то уехал, и опять сезон для поисков Долины был потерян.

А в конце лета того же года, когда они собрались повторить попытку пройти в Живую Долину, как раз перед выходом, Высокого и еще двоих срочно вызвали в родную фирму для расследования страшной авиакатастрофы, и опять у них все сорвалось.

После этого народ как-то совсем приуныл.

Кое-что о Крисе

Как-то осенью Высотники в очередной раз выпивали. Обсуждали восхождения, вспоминали погибших летом. За окном дождь, настроение кислое. Вяло обсудили и тему Живой Долины. Вяло, поскольку Долина, так возбуждавшая их ум в горах, здесь, в городе, уходила на

второй план, переставала волновать так сильно. Забот у всех было полно. Ну, что делать, видно, непруха какая-то. На следующий год? Там видно будет. Набрались в тот вечер хорошо. Особо тогда почему-то наклюкался Крис, что, вообще-то, для него было совсем не характерно.

Автор давно был знаком с ним. Крис был другом детства Высокого. Позже через него автор познакомился как с Высоким, так и с другими альпинистами, и многое о тех событиях узнал от него. Крис был на вид чуть полноватый и грузноватый человек, слегка даже сутулый, с часто чуть склоненной набок головой, с милой улыбкой и добродушным характером. Он работал в Главной Библиотеке старшим научным сотрудником, защитил кандидатскую по скандинавским сагам и увлекался средневековой мистической литературой. Был он лентяй и сибарит, остроумный, нередко ядовитый, любитель и любимец женщин, и все такое прочее.

Но каждую весну Высокий брал его за шкуру и заставлял тренироваться и готовиться к новому сезону в горах, где Крис уже выглядел совсем другим – собранным и волевым. Следуя за Высоким, он, хотя и не стал альпинистом столь высокого класса, но КМСа выполнил и в этой компании был абсолютно своим.

После летнего сезона он с чистой совестью гордо возвращался к своему обычному образу жизни, главным образом к охмурению библиотечных (и не только) дам как рассказами о своих восхождениях, так и обсуждением вечно актуального вопроса, был или нет Джон Ди любовником королевы Елизаветы Первой, ну и всяких тому подобных тем.

А еще у Криса было одно редкое и неожиданное качество, о котором до поры мало кто знал. Если какие-то люди, обманувшись его мягкой и совершенно мирной внешностью, думали безнаказанно обидеть его или, еще хуже, его даму, то они очень быстро жалели об этом. Дело в том, что Крис был феноменально сильным бойцом.

Несколько слов курсивом. Случай в кабаке

За несколько лет до того в кабаке «Веселый Гусь» к альпинистам привязалась местная ипана. Кто-то с кем-то поругался, и назревала драка. Десять местных против шестерых альпинистов. Крис со своей милой улыбкой начал всех успокаивать, и ему это почти удалось, все уже как будто утихло, но тут один из отморожков ударил его в лицо кулаком с зажатой в нем связкой ключей.

Крис вдруг выгнулся, напряжился, как кот, и стал обходить гада по кругу, внимательно глядя на него и сплевывая кровь. Лицо у него стало такое, каким его еще никто не видел. Все поняли – сейчас будет страшное дело. Кто-то из своих рванулся: «Не надо!», но Крис оттолкнул его и хрипло крикнул им: «Не лезь!» Отморозок же, детина килограммов за сто весом, с приплюснутым носом, достал большой кривой, с самодельной рукояткой нож. «Фраерок-то у нас какой резвый, ну, прям пионер-герой, – гундосил он, кося под блатного. – Ща умою тебя, фраерок». И он двинулся вперед, полоснув ножом воздух слева направо – ха! И еще с шагом справа налево – ха! И снова слева направо – ха! – и почти одновременно с этим звуком ботинок Криса черной кувалдой врезался ему в левый висок, и детина мешком рухнул на пол. Секунд пять все стояли молча, настолько происшедшее впечатлило всех. «Еще желающие есть? – прохрипел Крис. – Нет? Ребята, нам пора!»

– Ну, здорово ты его, – восхищался потом, по пути домой, один из альпинистов, Арамис, – когда он третий раз махнул, у меня все оборвалось, я думал, тебе крышка. Но как же ты успел?

– «Но Кристоаль Хунта успел раньше», – торжественно процитировал кто-то, и все захохотали.

– А кто это? – спросил наш герой.

– Это волшебник был такой. И боец.

– Классику не знает! Ну, да что с гуманитария взять, ему бы только своих розенкрейцеров читать или, там, Майстера Экхарта, ну, вот просто дикий человек совсем. Высокий, дай ты ему «Понедельник», а то ведь помрет невеждой, – нежно посмеивались друзья.

Не сказать, чтобы уж вся вышеупомянутая книга знаменитых братьев, но конкретно данный персонаж ему чем-то понравился, и вот так наш герой стал называться Кристобелем Хунтой, а затем просто Крисом. Впрочем, иногда он плел своим дамам, что получил прозвище по названию старинного малайского кинжала с волнистым лезвием. Сочетание плавности и остроты! – это производило на женщин должное впечатление.

* * *

Эта история могла бы показаться неправдоподобной, какой-то уж очень киношной, в стиле фильмов, скажем, с Чаком Норрисом. Но автору довелось лично видеть Криса в зале боевых искусств, где они тренировались когда-то одновременно. На самом деле одарен Крис был поразительно. У него был сокрушительный удар как рукой, так и ногой, феноменальная реакция, потрясающая гибкость, отличное чувство дистанции, и – редчайшее качество! – абсолютно незаметное начало атаки. Он мог бы сделать яркую карьеру в боевых искусствах, но, будучи природным лентяем, ходил в зал через два раза на третий, а потом бросил совсем. Для жизни ему и природного таланта хватало. Так что эта история, рассказанная автору много лет спустя Арамисом и Высоким, вполне правдива.

А тот кривой нож у Криса дома был воткнут высоко в стену, как трофей. Иногда Крис в шутку вешал на него свою шляпу или галстук, а иногда, по утрам, лифчики или трусики своих подруг – исключительно для того, чтоб пару минут понаслаждаться женскими воплями:

– Отдай сейчас же, мерзавец, я из-за тебя на работу опоздаю!

– И гордись этим! Ну, ладно, забирай, я ведь на самом деле очень-очень добрый!

Не нужно только думать, что Крис, чуть что, сразу лез в драку. Это совершенно не так. Он действительно был в жизни добрым и мирным человеком, и надо было уж очень сильно его задеть, чтобы он показал свое мастерство бойца. Случалось это редко, и многие знакомые Криса даже не подозревали о его боевых талантах. Зато его хорошо подвешенный язык был прекрасно известен всем.

* * *

Так вот, вернемся в тот дождливый вечер. Может, Крис и не сказал бы того, что сказал, но в тот раз набрался хорошо, хотя вообще-то пил он меньше других, а больше любил поговорить о выпивке. И вот он встал, покачнулся, и, наставительно махая рукой, заговорил:

– А я вам вот что скажу...

Народ пьяно шумел и не слушал. Он повысил голос.

– А я вам скажу – знаете, что... ОНА нас не пускает! ОНА! И не пи...дите вы тут всякую чушь, ясно вам? Легенду помните? Потому что никому из нас это *очень* не нужно.

Тут все стали орать, что Крис помешался на своей мистике, что в жизни и не такое бывало, а потом ведь все получалось, и так далее. Только Высокий тогда подумал, что когда-то похожая мысль мелькнула и у него тоже. Наконец среди шума и гама прозвучала чья-то фраза: «Ну, и как же тогда нам ЕЕ уговорить, Крис?»

И, прежде чем отрубиться, пьяный в хлам Крис прорычал: «Саныча зовите, лопухи!» И заснул головой на столе.

Все замолчали, а Высокий кивнул головой. Елки-мotalки! Как же это они упустили? Кому-кому, а Санычу это действительно было нужно *очень*.

Саныч

Еще несколько лет назад он был одним из лидеров команды Высокого, физически самым сильным человеком в ней. Звали его Александр, как и его отца, и как-то навсегда к нему приклеилось теплое «Саныч». Работал он вместе с Высоким в авиационной фирме испытателем нового оборудования.

Знакомые автору альпинисты обычно худощавы, в меру сильны и очень выносливы, но Саныч был крупным, больше ста килограммов, очень сильным и невероятно выносливым. Гибкости и ловкости, правда, не хватало, и скалолаз он был, по строгим меркам, средний. Но в высотных восхождениях и на вертикальных стенах ему было мало равных во всей стране.

Несколькими годами ранее он и Высокий попали в сборную страны, и для этой сборной нашлись все-таки деньги на гималайскую экспедицию. Тогда шесть человек из экспедиции, в том числе Высокий и Саныч, смогли покорить Канченджангу – гору, с которой за всю ее историю не вернулись четверть восходителей из тех, что пытались ее покорить. То была вершина их альпинистской – нет, даже не карьеры – жизни.

Лет за пять до описываемых событий Саныч зашел к другу, альпинисту и музыканту Арамису, в ДК имени Хазова, и там познакомился с Эльвирой, красивой девчонкой из тамошней школы танцев. Для обоих уже через три месяца стало абсолютно ясно, что это судьба. Вскоре они сыграли веселую свадьбу под грохот рок-ансамбля «Прибамбасы» из вышеуказанного ДК и под звон разбиваемых пьяными лабухами и альпинистами бокалов.

У них родился сын, чудный малыш Женька, которого все привыкли звать Ежиком. А потом оказалось, что Ежик болен. Он не мог встать на ноги – они не держали его, подгибались. Саныч и Эля истратили кучу времени и денег, ходили к разным врачам, от профессоров до народных лекарей, но все было без толку. Диагнозы врачи ставили разные, никаких органических заболеваний не находили, лечение назначалось всякое – всевозможные лекарства, физиотерапии, электростимуляции, ванны, – но ничего не помогало.

Старый кореец-иглотерапевт невесело говорил Санычу с легким акцентом:

– Обычно в таких случаях иглотерапия помогает, но тут что-то странное. У вашего сына, да и у вас, многие меридианы и точки расположены необычно. Уколы не дают ожидаемого результата. Я боюсь повредить. Но, в принципе, я в излечение верю. Возможно, не сейчас, а позже, возможно, через сильное потрясение. Конечно, это проблематично, но кто знает...

Видно было, что кореец очень хотел помочь, но не смог, и был этим расстроен. И плату взял очень скромную.

Приходили в гости друзья со своими детьми, они хорошо играли с Ежиком, он улыбался, смеялся. Но малыш был умный, все понимал. И не раз мать видела, что слезы текли по его щекам, когда он смотрел в окно на играющих и, главное, бегающих детей. Эльвира уходила в другую комнату и ревела в подушку, чтобы сын не услышал.

Саныч надрывался на нескольких работах, чтоб заработать на лечение Ежика, об альпинизме пришлось забыть. Друзья-альпинисты всегда звали его на свои встречи, но он редко приходил. Больно ему было слушать их рассказы о восхождениях. Материально помогать Санычу ребята по возможности помогали, но этого было, конечно, слишком мало. Все друзья были среднего достатка, жили скромно, а лечение в Германии, причем без гарантии излечения, требовало невозможных денег.

Саныч уже почти отчаялся, несколько раз напивался в хлам, но однажды Эльвира стала перед ним и высказала проникновенно:

– Саныч, Саныч! Прошу тебя – не предавай нас с Ежиком.

Его поразило это двойное обращение. Оно звучало, как какое-то заклинание.

– Никогда! – он обнял жену. Долго они молча стояли. И он дал себе слово: пока Ежик болен – не пить. Но отчаяние переживать все равно было трудно.

Как раз в эти последние годы ребята увлеклись Живой Долиной, но все это прошло как-то мимо Саныча, он считал это увлечение несерьезной затеей, да и не до того ему было. А вот Высокий относился серьезно и к легенде, и ко всяким приметам, считая, что за ними может стоять нечто реальное, хотя еще пока и не познанное. И потому после тех слов Криса он на следующий же день отправился к Санычу, и они просидели вечер за крепким чаем над книгой К. Хирона.

– Ты пойми, Саныч, это не болтовня, это, может быть, действительно серьезно!

Измученному сердцу Саныча отчаянно нужна была надежда. И он поверил!

И Эльвира тоже поверила. Обняла мужа, посмотрела ему в глаза и кивнула: «Да!»

Саныч загорелся. Через пару дней он заявился домой к Высокому и подробно расспрашивал о прошлых неудачных попытках.

– Все потому, что вы как-то легковесно готовились. Времени нужно дней двадцать, не меньше, да и вообще... надо посерьезнее как-то. Там может быть что-то очень необычное. Готовиться надо, как тогда, к Канченджанге. – Ну, ты сравнил! В Ближнегорье даже шести тысяч и близко нет.

– Нет, брат, теперь уже я тебя прошу отнестись к этому делу серьезно.

Первая экспедиция

КСС (Краткая Сводка Событий). Саныч организует новую экспедицию. Группа выходит в долину, граничащую с Живой Долиной. Альпинистов мучают сомнения. Двадцатые числа августа.

* * *

Уже пошел третий день, как экспедиция вышла в небольшую долинку, граничащую с Живой Долиной. Долинку потом прозвали Предбанник. Она располагалась на высоте чуть выше двух тысяч восьмисот метров.

На небольшом пригорке, поросшем густыми можжевельновыми кустами, но почему-то с лысой, лишь с вереском и валунами, верхушкой, сидели на широком камне Саныч и Высокий. Было около часу дня. Они в бинокль изучали ту самую северо-восточную стену, которая предварительно, по карте, представлялась перспективной для восхождения. Кто-то из ребят возился у костра под пригорком, кто-то, как Крис и Ледокол, бродили по Предбаннику, этой очаровательной долинке, где не было никаких следов человека, и наслаждались девственной природой, предоставив начальству возможность размышлять и выбирать. Заросли кустов рододендрона оказались пышнолистые, необычно высокие, иногда попадались какие-то буковые, тисовые, дубовые рощицы, с вкраплениями лиственниц и пихт. Всякое зверье и птицы нередко выскакивали чуть ли не из-под ног, – куропатки-кеклики, зайцы, косули какие-то со своими малышами, и, похоже, там был кто-то еще покрупнее.

– Если это медведи, то я пока что морально не готов к встрече, – бормотал Ледокол под нос.

Крис же молча наслаждался. Прекрасны колдовство древних манускриптов и роскошь старинных книг, но Мать-Природа сердца своих детей не отпускает никогда.

* * *

Пригорок, на котором сидели Саныч и Высокий, находился приблизительно в двух километрах от начала крутой каменной осыпи у подножия стены.

Стена оказалась невысокой, вероятно, едва достигая четырех тысяч наверху, но была при этом довольно крутая, из рыхлой породы, осыпающаяся, с многочисленными выступами, полочками и нависающими участками, неприятная для лазания. Конечно, что-то похожее они ходили, опыт был, и немалый, но все равно малопривлекательно. Во-первых, повышенные требования к страховке из-за сравнительно рыхлой породы и нависающих участков стены, во-вторых, после полудня со стены начинали изредка сыпаться мелкие, но опасные камешки, очень опасные для взбирающихся по стене людей.

Но не это было главным. В конце концов, пять мастеров и три КМСа должны были эту стену проходить в нормальном режиме, без каких-то сверхусилий.

А главным было то, что оба они понимали, но не произносили вслух. Все ведь это затевалось, в перспективе, ради Ежика, а ребенка никак не пронесешь в рюкзаке по стене, несмотря на помощь товарищей и громадную силу Саныча. Это было абсолютно нереально. Они обсуждали какие-то детали возможного восхождения, но оба думали о другом.

– Послушай, – заговорил Саныч, – если Хирон прав, и эти легенды не совсем уж врут, а мы в это верим, то какие-то люди туда точно прошли. Ну, пусть лишь двое, трое, четверо, но как-то прошли. И без всякого альпинизма. Но они никак не могли пройти эту стену – это невозможно без альпинистского снаряжения, которого у них быть не могло. А ведь здесь, похоже, самый низкий гребень, судя по карте, да и самый узкий, по снимку. *(Перед выходом знакомые из Картографического Управления показали им по дружбе снимок со спутника, но копировать не разрешили.)* В других местах еще труднее. Но все-таки как-то же они прошли?

Высокому нечего было сказать в ответ. Получалось, что все впустую. Он молчал, время от времени глядя в двадцатикратный горный бинокль. У обоих было невесело на душе.

Козленок

Чтобы отвлечь Саныча от печальных мыслей, Высокий передал ему бинокль со словами:

– Смотри, какая забавная пара!

– Где, какая пара?

– Ну, там, под осыпью, где верхний край кустов.

Саныч улыбнулся:

– Вижу.

Там двигалась серо-белая дикая коза, грациозное создание, а за ней плелся, спотыкаясь и прихрамывая, маленький белый козленок с черным пятнышком на правом боку. Видимо, где-то он поранился или ушибся. Время от времени коза останавливалась, поджидая его, облизывала ему правую переднюю ножку и шла дальше, постоянно оглядываясь на него.

– Прелестная сцена!

Оба любовались животными, передавая друг другу бинокль. Коза и козленок двигались почти параллельно верхнему краю кустарника, постепенно переходя на каменную осыпь.

– А вот куда же, интересно, они идут? Кусты-то кончились! – удивился Высокий.

– Непонятно, действительно, – протянул Саныч.

– Смотри, смотри, повернули назад!

– Да, но уже выше!

– Слушай, опять повернули! Они идут зигзагом! Они идут в гору!

– Зоо-сенсация! Хромой козленок штурмует стену! – Саныч что-то вдруг развеселился.

– Но зачем, зачем?

Еще минут пятнадцать они наслаждались этим забавным зрелищем, как коза с козленком продвигались зигзагом все выше и выше, и обменивались шутками на тему, для чего это им нужно.

Впоследствии Высокий хвалил себя, что не отвел бинокль от глаз в тот момент. Вдруг он понял, что не видит козу, а видит лишь козленка. Она как будто растаяла.

– Погоди-ка, а где...

Козленок, спотыкаясь, сделал еще несколько шагов и, дойдя до большого светлого, почти треугольного, камня, тоже исчез.

– Саньч, они, похоже, ушли в какую-то дыру или пещеру!

– Но там же травы наверняка нет, зачем?

– Слушай, а может, там, в пещере, есть мумиё! Это, может, какая-то звериная аптека! Она его повела лечить в аптеку!

– В Ближнегорье мумиё что-то раньше не...

– Подожди, а может...

Одна и та же мысль вдруг пронзила обоих, и они одновременно и резко повернулись друг к другу: «А что, если это проход в долину?! Говорилось же в легендах о каких-то пещерах. И именно туда повела мать-коза лечить своего ненаглядного?..»

* * *

* * *

– Мама дорогая!

– Камень, камень только не потеряй из виду! Светлый, треугольный! Заметь еще другие ориентиры рядом!

Это было известно, что камень, заметный издали, иногда вблизи выглядит совершенно не так и плохо опознается.

Страшное возбуждение охватило обоих. Два друга понимали, что это совсем фантастическое предположение, что, может, это все дурь, какое-то безумие, какие-то детские игры взрослых. Проход в долину? Не может быть! Да, но ведь и вся их затея, этот поиск волшебной долины, это что, как не безумие?

Несколько слов курсивом. Безумие

И на короткое мгновение вспомнилось Высокому, как когда-то в молодости сам он развивал на какой-то тусовке тему, что вообще весь альпинизм есть немножко безумие, как, впрочем, и все мореплавание, и воздухоплавание, и ракетостроение, и музыка, и поэзия, и...

– А что, – выступал тогда же Крис, – пить водку каждый день и смотреть телик по пять часов – это что, разве не безумие? Это еще худшее безумие, без капли поэзии даже.

– А ты-то сам какой, не безумный разве? – спросил кто-то.

– Я-то? Я абсолютно нормальный. Я абсолютно трезвый, – из публики послышался смех. – Нет, я имею в виду, что я абсолютно трезво, реально смотрю на мир, без всяких иллюзий, так, как смотрел египетский султан Бейбарс. – Крис любил блеснуть такими загадочными параллелями из истории. – И мне вся эта ваша горная романтика по фигу. Я прожженный циник.

– Ага, вот у тебя как раз **рукав прожженный!**

– А зачем же ты тогда ходишь в горы?

– А затем, что это часть моего Дао!

– Ну, все, опять понеслась эта даосская дребедень!

– Сам ты дребедень, понятно?!

Этот чрезвычайно остроумный ответ Криса закрыл плодотворный диспут.

* * *

Вспомнив это, Высокий хмыкнул.

– Ты чего? – удивился Саныч.

– Да мы с тобой оба сумасшедшие!

– Да иди ты!

Саныч крикнул вниз повару:

– Солдатик! Солдатик-братик! Иди к нам скорей!

– Парни, у меня вода закипает, можно позже?

– Я сейчас закиплю сам! Давай скорее! Значит, слушай! Вот, смотри сюда, вот тот треугольный камень не упускай из виду, а мы бежим туда, и когда приблизимся, будешь знаками направлять нас: выше-ниже, лево-право. Ясно? – объяснял Саныч Солдату.

– А что там?

– Пещера Али-Бабы с сокровищами! Ну, а серьезно, сами пока не знаем. И кстати, посвисти ребятам, пусть слетаются, Крис и Ледокол пусть бегут за нами.

У них был полицейский свисток, звук которого, хоть и совершенно неуместный на природе, был зато слышен очень далеко.

– Саныч, веревку и фонарь! И побежали!

* * *

Минуту спустя Крис услышал свисток и заорал:

– Ледокол, что-то стряслось! В лагерь!

* * *

Пока бежали через заросли, треугольный камень был совершенно упущен из виду, но Высокий наметил пару ориентиров выше него и пока шел на них. Через минут тридцать стало гораздо круче, и они выбрались на верхний край зарослей кустов. Вблизи все выглядело не так, как издали, и все ориентиры были потеряны. Солдат с холма показывал вверх, и оба стали

карабкаться по осыпи. Минут через двадцать Солдат указал вправо, а когда ушли вправо, через десять минут – влево и вниз.

– Что он там путает? – раздражался Саныч.

– Да не он путает, а мы не можем узнать этот камень вблизи. Давай передохнём. И хорошо бы по балде не получить сверху, сыплется.

Солдат сложил руки крестом над головой – знак «стоп».

– Может, мы на камне и сидим? Хрень какая-то, ничего не понимаю, – морщился Саныч.

– Слушай, – сказал Высокий, – ведь они пропали из виду немного не доходя до камня, чуть правее. Давай, посмотри там.

Саныч сдвинулся вправо по осыпи, спотыкаясь и сбрасывая вниз каменную мелочь.

– Ну и что ты там затих? – оглянулся через две минуты Высокий. Саныч сидел, улыбаясь и потирая ногу. – Что, подвернул?

– Да, ушибся маленько, пустяки. – И, показав рукой за спину, добавил: – Тут дует.

– Да и хрен бы с ним, – отмахнулся Высокий.

– Ты не понял, там что-то есть.

– Ну, булыган и булыган. На пару тонн.

– Справа зайди.

– Ой, мама! Какая-то темная дыра, и дует оттуда!

– Дует, брат, дует! Дует! И дует из долины, больше неоткуда! – улыбался Саныч.

* * *

Снизу к ним уже поднимались Крис и Ледокол.

– Ну что, небось уже делите сокровища без нас? – вопрошал Крис.

– А вы вообще тут кто такие? Документы есть? – строго спросил Высокий.

– А мы просто так, мимо гуляли, – вступил Ледокол, – думали сокровищ каких-нибудь поискать. А тут смотрим – вы уже здесь всё нашли.

– Парни, парни, цветы!

– Какие, на хрен, цветы? – на мгновение Высокому показалось, что Саныч и вправду свихнулся.

– Да вы почувствуйте, в этом сквозняке есть запах цветов!

– И правда ведь!

– Ребята, а это не самовнушение?

– Не, – сказал Ледокол, – у меня хорошее обоняние. Это точно цветы. У мамы в саду много цветов, – добавил он неожиданно и мило улыбнулся. – И я их все различаю. Но вот тут пока не пойму, какие. А вот запаха гнили никакого нет. Значит, дыра сквозная. Это Долина, братцы, на нас дует. И она совсем недалеко.

– Мать-перемать!

– Кстати, парнокопытные раньше нас поместили территорию, вот прямые доказательства, – сказал Крис, указывая на те доказательства пальцем. – Поэтому, – продолжал он, – по праву первого прохождения сия дыра должна быть названа именем этого козленка.

Это было принято с энтузиазмом.

– Мы пойдем козлиным путем! Ну, ладно, а теперь, архонты, что делать будем? – спросил Крис, имея в виду Саныча и Высокого.

Высокий формально был руководителем экспедиции, хотя все решали они с Санычем вместе. Но в спорных ситуациях последнее слово было за Высоким. Он посмотрел на часы.

– Полчетвертого. Так. Сегодня, конечно, туда не идем. Слушай команду. Сейчас ищем место для лагеря где-то поблизости и перебазировемся. Это раз. Завтра расчищаем вход и

делаем пробный заход на длину основной веревки. Это два. По результатам решим дальше. Если все пойдет хорошо, – но только в этом случае! – послезавтра пойдем на прорыв.

Тропой козленка

КСС. После перебазирования лагеря. На другой день был сделан пробный выход метров на 200, выяснилось, что идти можно в полный рост. Высокий решился на попытку прохода в Долину. Рация не работает, так как все время были большие помехи.

* * *

Через день на утреннем совещании обсуждали технические детали.

В заключение Высокий сказал:

– Жаль, что среди нас нет спелеологов. Ну, что поделать. Так. Идут Саныч, Крис, Ледокол и я. На страховке в лагере – Солдат, Гарринча, Фома, Лесник. Старшим будет Солдат. Ребята, без обид, вы пойдете обязательно, но попозже. А за день вы сделайте побольше снимков Предбанника и входа в Козленка с разных ракурсов. Ну и вообще, посмотрите, что тут есть вокруг.

Ну что ж, все было правильно, первыми шли лидеры.

Еще вчера обнаружилось некое расширение прохода метрах в двадцати от начала пути. После осторожного протискивания в несколько тесноватый вход в Козленка в этом расширении, впоследствии названном Холл, и скопились все четверо, шаря вокруг лучами фонарей.

– Порядок такой: Саныч, Ледокол, Крис, я. Светляки забивает Крис примерно через каждые 40 метров, я продергиваю бечеву. Каждые пять минут переключка – но не орать, в пещерах этого нельзя. И каждые двадцать минут в удобном месте – остановка и сбор.

Светляки – это легкие шпильки со светоотражателями, хорошо видные в свете фонаря и с колечками, иногда с маленьким закручивающимся патрончиком для записок. Это – как камешки Мальчика-с-Пальчик, – так для краткости объясняли новичкам.

Козленок был мало похож на тоннель. Никаких правильных форм, все неправильное, неровные и угловатые стены и потолок, многочисленные потеки по ним, какие-то лишайники. Однако из-за неслабого встречного тока воздуха запах сырой гнили не чувствовался. А вот ароматы каких-то растений действительно время от времени становились отчетливыми. Было несколько резких поворотов, из-за чего сигнальную бечеву тянуть уже не было смысла, она застревала. Несколько ответвлений тоже было, но встречный ветерок и следы животных помогали выбрать верный путь. Высокий наскоро под фонарем составлял по пройденному нечто вроде схемы Козленка.

– Пока все нормально. Интуитивно – идем примерно километр в час. Парни, предельная собранность, очень прошу. Ясно?

– А вот я что-то никаких сокровищ пока не вижу, – заголосил Крис, чтобы чуть разрядить некий нервяк, владевший всеми.

Высокий тоже был очень напряжен, и никак не склонен к шуткам в этот момент.

– Вот ведь балаболка чёртова! Смотри у меня, оставляю без компота. Саныч, вперед!

– Ну вот, стоит только *некоторым* добраться до власти, так сразу весь компот себе, – не успокаивался Крис.

– Лучше ты не доводи меня, жживотное!

Крис уходил вперед, в темноту, бормоча под нос с трагическими интонациями и лицемерными всхлипами:

– Вот так всегда, во всем виноват бедный Крис, – и из мрака донеслась известная ария:

Но где же сердце,

Что полюбит меня?

Народ впереди похихикал, и, в общем, некая разрядка произошла.

Несмотря на общую мрачность Козленка, Высокий отметил с удовлетворением, что нет опасных сужений и нет заметных понижений свода. Кроме того, почти не видно было следов осыпаний. «Камень, что ли, здесь другой? – думал Высокий. – Ладно, это потом».

Примерно через час Высокий услышал впереди голос Саньча:

– Парни, парни, все сюда!

Там был довольно резкий поворот влево, за которым остальные уже ждали Высокого.

– Что тут?

– Выключайте фонари! Ну, видите?

– Еж твою двадцать! Свет! Это же свет!

Слабый, но совершенно реальный серо-голубоватый свет впереди увидели все.

– Парни, не дышать! Саньч, очень осторожно, давай!

И вот уже через пять минут свет стал многократно сильнее, проход явно расширился, и они вдруг уткнулись в роскошное буйство высоченной травы, кустов и прочей пышной зелени, как будто затыкавшей выход из скалы. А сильный запах каких-то цветов стал заметно сильнее.

– Неужели прошли?

– Пока что-то не верится...

– Так! Привал, перекус, ну, и все обсудим, – скомандовал Высокий.

– Вот перекус – это абсолютно правильное решение нашего мудрого руководителя! – с роскошными модуляциями заговорил Крис. – Ледок, друг мой, ты согласен, что у нас прекрасный командир?

– Ну, если пожрать даст, то да.

– А если нет?

– Тогда нет!.. То есть... все равно – да!

– Ты просто гнусный подхалим! – Крис встал в позу обличителя.

– Да! И тебе то же советую, тогда колбасы намного больше достанется.

Они все еще только-только начали понимать, а точнее, чувствовать, что прошли в Долину, что им удалось! И, как нередко бывает, прикрывали сильные чувства шутками и всякой трепотней.

Открыли банку ветчины, достали термосы со сладким чаем, изюм, сыр, шоколад. Пока перекусывали, вдруг ненадолго выглянуло солнышко. Пробившись сквозь густую листву и траву, оно разбилось на множество маленьких слепящих золотых пятен, полос, звездочек, как будто зажглась какая-то огромная безумная зеленая новогодняя елка.

На всех это произвело какое-то исключительно радостное впечатление:

– Обалдеть!

– Вот это да!

– Да, мы в Долине, тут ошибки нет, – тихо сказал Высокий. А Саньч молча радовался: путь проходим! И проходим даже с ребенком на спине!

Но вскоре солнце снова ушло в облака.

– Что-то нынче погода барахлит, – задумчиво сказал Высокий. – Но не будем терять время, сейчас уже второй час. Вниз? Нет, не идем, не успеем вернуться сегодня. А вот надо бы найти хорошее место и посмотреть на всю долину. Расходимся в радиусе десяти минут, ищем выход на скалу из этих зарослей.

Все разошлись, а вскоре из зарослей послышался хруст сучьев и проклятья Ледокола. «Ну вот, всё как всегда», – подумал Высокий.

Но отвлечемся ненадолго, чтобы сказать...

Кое-что о Ледоколе

Ледокол прославился на всю страну еще в свой первый выезд в альплагерь, даже не получив еще значок «Юный альпинист».

Шли занятия по технике передвижения на отлогом снежно-ледовом склоне с небольшими скальными обнажениями, где обычно ничего страшнее легких ушибов не случалось. Человек сорок новичков, пять инструкторов. Трехчасовое занятие подходило к концу, некоторые группы уже закончили и начали фотографироваться на память. Солнце уже прилично пекло, все ледовые поверхности были мокрыми и сверкали. И тут один из новичков поскользнулся, затем заскользил вниз, споткнулся, неловко выронив ледоруб, перевернулся и поехал вниз головой по ледяному выкату, ускоряясь.

Девчонки завизжали, инструктора и часть ребят бросились вниз к этому парню, но поздно. Парень со всей скоростью врезался головой в ледяной выступ высотой сантиметров сорок, попавшийся на его пути. Все заорали, а у старшего инструктора сердце оборвалось:

«Все, крышка новичку. А ведь так все было хорошо в эту смену, и вот...»

Инструктора быстро окружили лежавшего, склонившись над ним:

– Пульс, пульс есть?

Один из инструкторов попытался прощупать на шее новичка пульс.

– Ой, блин, похоже, нет!

«Ну, вот и все, готов парень. И мне тоже теперь п...ец», – с ужасом подумал старший инструктор и, отвернувшись, снял шапку.

– Почему это у меня нет пульса? – вдруг раздался обиженный голос. – У меня есть пульс.

Раздался всеобщий крик. Старший инструктор, не веря себе, обернулся. Новичок уже сидел, ставив с себя отцовскую военную ушанку, над которой, когда он приехал, смеялся весь лагерь.

– Зачем она тебе? – приставали тогда к нему девчонки. – Ты же в ней на лешего похож.

– У меня было воспаление среднего уха, – отвечал он мрачно. – Я обещал маме на улице шапку не снимать.

А вот сейчас, получается, ушанка-то как раз и спасла его. Зато на темени вырастала каких-то жутких размеров шишка. Народ, счастливый, что все хорошо кончилось, шумел вокруг. Инструктора нервно курили, у кого-то дрожали руки.

– Лед, лед прикладывай!

– Он уже приложил ледышечку – вот эту самую бульбу.

Все вокруг захохотали.

– Ой, смотрите, смотрите, здесь трещина! А льдина-то раскололась!

– Ну, ты же просто ледокол, парень!

Раздался дикий хохот. Все ржали, не переставая, минуты две, разряжали нервяк.

Эта история о крепкой голове и расколоте льдине (ну, конечно же, трещина там уже была раньше!) как-то сразу стала байкой, известной во многих альплагерях.

* * *

Так и родился Ледокол. Добрый, несколько наивный провинциальный парень, ставший студентом Политеха, он впоследствии на Кордах чем-то глянулся Высокому, и тот взял парня в свою команду. Ледокол вырос в отличного альпиниста, но мастером не стал, а КМСа получил лишь с большим трудом. Дело в том, что ему в силу его характера тяжело давалось руководство группой, а это было необходимым условием для получения высоких разрядов. Но членом любой группы он был очень хорошим и, главное, очень надежным.

И дальше слава Ледокола, как незаурядной личности, не угасала. Он постоянно ухитрялся попадать в разные истории и приключения, он постоянно ушибал голову, руки и ноги, из любой экспедиции возвращался в синяках, шишках и шрамах. Он ухитрялся пораниться там, где не поранится даже младенец. Но никогда ничего серьезного, только однажды случился перелом мизинца руки. Ледокол говорил:

– Я, может быть, сливаю свою непруху по частям. Подумаешь, десять шрамов. Это же лучше открытого перелома ноги.

Ну что ж, с этим трудно было спорить.

О нем рассказывали кучу смешных историй, по большей части выдуманных. Он стал заметной частью альпинистского фольклора. И его все любили, хотя часто добродушно посмеивались. Но это ведь тоже часть любви.

Дровосек, Скалолом, Ледокол с ледорубом, Icebreaker, еще всякие разные прозвища. Анекдот: «Ледокол столкнулся с Ледоколом. Один потонул, у второго – шишка». Раз на Тянь-Шане он попал в небольшое землетрясение. Отсюда шутка: «Ледокол не боится гор, это горы трясутся от страха, когда идет Ледокол».

Особенно прославила его легендарная фраза, сказанная им в одном из походов. Тогда из-за нелепой случайности улетел в пропасть рюкзак с большей частью продуктов, а оставалось еще два дня нелегкого пути.

– Еды у нас больше нет, – мрачно сказал командир группы.

– Зато теперь у нас есть пища для размышлений, – вдруг задумчиво произнес Ледокол.

Все долго и нервно смеялись, и до конца пути эти слова очень поднимали настроение зверски голодным путешественникам.

Зато попытки как-то нехорошо, недобро смеяться над ним друзья жестко пресекали. Сами-то они были ребята языкастые, и могли при необходимости резко ответить любому, а вот деревенский уроженец Ледокол красноречием не отличался и иногда терялся от наглости городских пижонов с хорошо подвешенными языками.

Но в таких случаях обычно было кому прийти ему на выручку. Парочки ядовитых реплик Криса, Высокого или еще кого-то из ребят хватало, чтоб отбить у любого охоту обижать Ледокола.

Так, однажды Крис своими насмешками заставил практически сбежать с Корд одного расфуфыренного попугая из ДипАкадемии, вздумавшего посмеяться над некоторыми провинциальными словечками Ледокола.

– Я давно заметил, – сказал Крис, озабоченно глядя куда-то в ночное небо, – что некоторым личностям удивительно подходит фамилия Злопых...ев.

После этого даже дружки расфуфыренного катались по земле от хохота. А сам он вскочил, задыхаясь от ярости, хотел что-то крикнуть, затряс кулаками, а потом убежал. Больше он на Кордах не появлялся.

По этому поводу можно вспомнить еще немало забавных историй, но *некоторые* настоятельно советовали автору не отвлекаться.

* * *

Автор, пожалуй, уже достаточно сказал о Ледоколе, но одну важную вещь стоит добавить. Высокий как-то был членом аттестационной комиссии при Спорткомитете и на это время получил доступ к личным делам всех альпинистов страны. Как раз в том году бурно обсуждалась проблема несчастных случаев в альпинизме, уж очень много их стало. По этому поводу разные источники приводили много противоречивых статистических данных, надежность которых была весьма сомнительна. Высокий сам зарылся в картотеки, потратил много времени и

сделал ряд неожиданных наблюдений. Одно из них было таким: ни в одном восхождении с участием Ледокола никто не погиб и не получил серьезных травм.

Почему это было – Высокий не мог объяснить, но твердо верил, что это не случайно. Людей с таким же талантом было мало. Ни сам Высокий, ни Саныч подобным качеством, увы, не обладали, хотя вины на них не было. И после этого Высокий старался всегда брать с собой Ледокола, всячески о нем заботился и защищал.

– Не обижайте Ледокола, люди, – часто повторял Высокий.

В той же картотеке Высокий сделал и несколько очень печальных статистических наблюдений относительно некоторых известных людей, но об этом он никогда никому не говорил.

Долина, Долина!

Но вернемся к воплю Ледокола из зарослей. Как выяснилось, он наступил в зарослях на какой-то сук, тот обломился, и наш герой рухнул и растянулся куда-то вниз головой по склону, вдобавок ушибив ногу и запутавшись в высоких прочных травах. Пospешивший на помощь Высокий начал вытаскивать его, ругаясь не на шутку:

– Ну, ведь нарочно так все не запутаешь, как ты запутал случайно! Ну, как же ты, блин горелый, всегда ухитряешься вляпаться!

Высокий сильно опасался, что Ледокол все-таки сломал себе что-нибудь, но Ледокол остался в своем репертуаре. Выдранный лоскут из штормовки, плюс сильный ушиб правой голени, плюс глубокая рваная царапина на щеке, но более ничего серьезного не случилось.

– Идем, дровосек хренов, обработаю рану. Вот уже и кровь пошла... Ты меня все-таки доведешь когда-нибудь до инфаркта. Как бы шрам тут у тебя на щеке не остался...

Ледокол, прихрамывая, что-то недовольно бормотал себе под нос. Шрамов у него на теле уже было штук сорок. Высокий доставал из специального маленького желтого рюкзака аптечку...

* * *

– Эй, чем вы там занимаетесь, лентяи? – раздался голос Криса откуда-то слева сверху. – А мы уже пошли вверх.

Крис и Саныч довольно быстро нашли скальное ребро метров двадцати высотой, выдававшееся над кустами и очень удобное для лазанья, и Саныч уже бодро пошел вверх, страхуемый снизу Крисом.

– Прекрасный подъем, просто лестница! – кричал сверху Саныч.

И через минут десять он снова заорал:

– Тут есть отличная полка, и Долина хорошо видна!

Высокий осторожно сказал:

– Ледок, может, тебе не надо лезть? С ушибом-то... – Ледокол молча и выразительно посмотрел на него. – Ну, все, молчу, молчу.

Меньше чем через полчаса вся четверка поднялась на полку. Высокий поднялся последним, сел рядом с Санычем, защелкнул карабин самостраховки и буркнул:

– Почему пошли вверх без команды?

– Прости, Долговязый! Не выдержал. Не прав. – И, положив могучую руку на плечо друга, воскликнул: – Ты только посмотри туда!

День был хмуроватый уже с утра, но, как бы в награду нашим ребятам, в этот момент солнце все же прорвалось в большой разрыв между облаками и осветило Долину. И как же она засверкала!

Невероятной яркости трава, кусты и деревья разных оттенков сочной зелени, синяя извилистая полоска реки на самом дне, рядом пятна каких-то полян, покрытых безумным калейдоскопом горных цветов, и даже скалы, обрамлявшие Долину, вносили свой серо-буро-багровый вклад с солнечными бликами в эту роскошную палитру.

И каждый понял, что никогда не видел более прекрасного пейзажа – ни в горах, ни где-то еще. Даже Саныч с Высоким, однажды видевшие мир с вершины Канченджанги, понимали: здесь было что-то совсем особое.

«ДОЛИНА, ДОЛИНА!» – стучало в их сердцах.

И никакие слова не были способны описать необъяснимое колдовство этой Долины. На всю эту красоту можно было, наверно, смотреть вечно. Всем было совершенно ясно, что это не простая, а, действительно, какая-то чудесная долина.

Но через двадцать минут солнце скрылось, и краски панорамы несколько поблекли. Только сейчас они спохватились и сделали несколько снимков.

– Ребята, это великий день, – сказал Высокий. – И великий час. Мы прошли в эту Долину. В Живую Долину. Ура, братцы!

– Ура! Ура! Ура! – но это слово было слишком слабо, чтобы выразить то, что они все чувствовали.

– Но все потом, а сейчас пора уходить. И мне что-то совсем не нравится погода. Вроде бы до сезона дождей есть еще неделя, как минимум, – сказал Высокий. – Так, все, возвращаемся аккуратно, вечером обсудим завтрашний день. Может, попробуем спуститься в долину. С максимальной осторожностью. Крис, давай аккуратно первым. Максимум осторожности! А то все, понимаешь, в эйфории...

Через час все были внизу, и еще через два, когда уже начало смеркаться, Саныч появился на входе в Козленка.

– Ну, наконец-то! – заорал Солдат. – А то мы уже тут психуем. Ну?

Саныч улыбнулся от уха до уха и обнял Солдата:

– Прошли! Мы прошли в Долину!

И громкое «Ура!» огласило теперь уже Предбанник.

* * *

Ах, какой же веселый был вечерний костер и обед! И рассказы ходивших в Долину, и несколько завистливые вопросы не ходивших, крики и шутки.

Ну и, конечно же, приняли по чуть-чуть. Выпили и за славного майора Живого, и за мужественного Хирона, и за улыбку капризной Фортуны.

– Так, слушай приказ: завтра идут Саныч, Крис, Солдат. Нет, Ледокол, ты завтра отдыхаешь и лечишься. Нет, никаких споров. Я сказал: Ледокол завтра отдыхает. Я тоже иду. А пятым пойдет Лесник.

Солдат и Лесник торжествовали, но тихо, чтоб не обидеть остающихся.

Но уже ночью капли застучали по крышам палаток, и стало ясно, что планы придется срочно менять.

На утреннем совещании под мелким дождем Высокий сказал:

– Парни, у меня нет ни малейших сомнений, что эта морось – не случайность, и что это уже начался сезон дождей. Почему так рано – я не знаю. Без вопросов – сейчас в Долину идти нельзя, это очень опасно. И вы все это прекрасно понимаете. Этот дождь – предупреждение нам. Надо быстро сваливать, пока склоны не размокли. А то мы тут все накроемся бордовой шляпкой.

Саныч поддержал:

– Парни, вы отлично знаете: я всем сердцем рвусь в Долину. Но разум подсказывает: сезон окончен, надо уходить, и очень быстро.

Крис выступил в своем стиле:

– Прекрасная девушка позволила себя поцеловать. Но дала понять, что для первого свидания достаточно, и кавалеру пора идти домой.

Солдат:

– А второе-то свидание будет?

Высокий:

– Будет. Я уже думал. На следующий год нужна серьезная экспедиция. На две-три недели. Человек на пятнадцать. Попробуем взять геолога и ботаника. И все, кто здесь, считайте, уже зачислены. Но нужно будет найти деньги. Так, все, решили. Собираемся, выход через девяносто минут.

Выход оказался довольно тяжелым. Они шли два дня чуть ли бегом под все усиливающимся дождем. Траверсами по склонам идти под дождем было очень опасно, и пришлось идти через три долины по самым низинам, что было и гораздо дольше, и тяжелее. Вся одежда и обувь была мокрая насквозь. Но какая же радость пела, не смолкая, в их сердцах: нашли, нашли все-таки путь в эту долину!

Преодолев два перевала, с седла третьего увидели уже шоссе и поселок.

– Ну, вот и все, ребята, – сказал Высокий. – Наш путь почти закончен.

– Еще не все, – вдруг выступил Крис.

Он подошел к Ледоколу и сказал:

– Ледокоша, замри, дорогой.

И после этого бережно стал отрывать пластырь от щеки друга.

– Ну, и где вы тут видите шрам?

На небритой щеке прорисовывалась светлая полоска, чуть розовая. Но никакого шрама не было!

– Я еще в день выхода это заметил. У него царапина стала заживать дико быстро. А ведь мы были в Долине не больше четырех часов!

Все подходили и трогали Ледоколову щеку.

– Это работает! – шумел Крис. – Это и вправду целебная долина! И эта его щека – бесспорное доказательство!

И Саныч улыбался тихо и счастливо. Его вера в выздоровление сына стала несокрушимой.

* * *

По возвращении в Столицу Высокий стал рассказывать в разных собраниях о Долине, надеясь заинтересовать влиятельных и богатых людей и найти средства на новую экспедицию. Его вдохновляла прочитанная в молодости история сотрудничества великого полярного путешественника Руаля Амундсена и миллионера Линкольна Элсворта. Но с Элсвортами в Большой Стране оказалось напряженно. Да и многие тогда не очень верили Высокому, считая его фанатиком и фантазером.

И вот так однажды он оказался в доме Премьера на посиделках, которые уже год как стали просто альпинистским клубом, собираясь своим рассказом увлечь молодых. О встрече с Премьером он и не думал.

* * *

Автор напоминает многотерпеливому читателю, что вся эта глава была весьма расширенным рассказом Высокого о Живой Долине на посиделках в доме Премьера.

Решение о второй экспедиции

Премьер и Высокий

Было уже за полночь, и народ стал быстро расходиться. Многие просили Высокого прийти еще, и он обещал. Когда почти все разошлись, Высокий тоже хотел было уходить, но Премьер попросил его задержаться. Он протянул Высокому руку и представился. Высокий пожал его руку и тоже назвал себя, слегка оторопев: сам легендарный Премьер!

– Очень интересная история, очень! Мне хотелось бы с вами подробно поговорить. Вы не могли бы приехать ко мне на дачу в это воскресенье? Я пришлю за вами машину.

Отметим, что с профессионалами Премьер всегда был очень уважителен, а вот с чиновниками он разговаривал гораздо жестче.

– Господин Премьер, было бы здорово, если бы вы пригласили и Саныча, потому что...

– Конечно, конечно, я понимаю, передайте ему, пожалуйста, мое приглашение.

– Да он сейчас, к сожалению, в отъезде и будет через неделю. А нельзя ли перенести встречу на следующее воскресенье? – попросил Высокий. (Попробовал бы кто-то из чиновников или бизнесменов сказать такое Премьеру!) Он чувствовал, что предстоящий разговор может стать поворотным для судьбы экспедиции, и так жаль, что Саныча сейчас не было. «Только бы не сорвалось!» – думал он.

– Жаль, – сказал Премьер, – ну, хорошо, что поделаться, тогда в следующее воскресенье. И у меня к вам просьба, нет, даже две. Во-первых, очень прошу изложить все, что вы рассказали, письменно. Можно без лирики, просто, как подробный отчет.

– Я постараюсь, – Высокий понимал, что это будет трудно.

Ну, вы уж постарайтесь. Это очень нужно для меня. Может, это даже как раз хорошо, что у вас будет лишняя неделя. И второе: я прошу пока прекратить все выступления и рассказы о Живой Долине. И вас прошу, и ваших друзей. Я вам в воскресенье объясню, в чем тут дело. Это *очень* важно. Ну, договорились? Оставьте свой телефон, вам в следующую субботу позвонят.

И Премьер протянул Высокому руку.

Алеша, хозяин посиделок, ждал Высокого в коридоре, чтобы проводить. Сердце его сильно билось: его отец и Высокий познакомились. Вот это да!

Что же там, впереди?

Мог ли Премьер думать когда-либо, что эта полусказочная история произведет на него такое сильное впечатление?

* * *

* * *

В будни свободного времени у него почти не было, но в ближайшие выходные он бродил по даче в глубокой задумчивости и думал о Живой Долине.

Он, такой рациональный, рассудительный человек, вдруг поверил, поверил в эту сказку! Особенно его почему-то впечатлила пустяковая вроде бы история с царапиной Ледокола. «Это не случайно, не случайно...» Он даже позвонил знакомому врачу:

– Глубокая рваная царапина щеки сколько будет заживать? Шрам навсегда? А исчезнуть за четыре дня полностью? Не может быть? Понятно.

И еще его одна вещь тронула – легенда о Белом Барсе. Домашнее прозвище Премьера было – только для жены! – Барсик.

– Барсик, ты что это у нас нынче такой задумчивый? Ты в порядке? – обеспокоенно спросила жена.

– Все хорошо, Мурзичек, – две седые головы на мгновение прижались друг к другу.

Вот так вот, Мурзик и Барсик, и любовь уже столько лет. И пусть хихикают те, кому смешна такая верность. Все равно последними будут смеяться боги.

* * *

Но все это было не главное. А главное для Премьера было в том, что он вдруг нашел то, чего так не хватало ему последние годы.

Он нашел ни много, ни мало *смысл своей жизни*, во всяком случае, оставшейся ее части. Но, поверив в Долину, он сразу, как крупный политик, стал думать о последствиях ее обнаружения, и тут он ясно увидел то, что не могли видеть другие.

Конечно, всякий трезвомыслящий человек, дочитавший до этого места, скажет, что целительные свойства долины ведь еще совсем не доказаны. Одни только сказки, да еще Ледоколова царапина. Это же смешно – такому солидному человеку, как Премьер, рассуждать и строить прогнозы на таком шатком основании!

Но дело-то как раз в том, что все прикасавшиеся к Долине как будто немножко сходили с ума и верили в нее просто так, без всяких доказательств. И те, кто давно искал высший смысл своей жизни, такие, как Высокий или Премьер, и те, кто вроде бы не искал (а может, на самом-то деле ищут все?), – все становились немножко сумасшедшими. Как будто Живая Долина нежно околдовывала их и превращала в своих верных рыцарей. И Высокий нередко думал потом, как же волшебство этой маленькой долины простиралось так удивительно далеко?

* * *

Но ведь мы-то с тобой не сумасшедшие, правда, мой трезвомыслящий читатель? А вот автору немного грустно оттого, что он тогда не болел Долиной, так как был в то время очень далек от этих событий и знает их только по рассказам участников.

* * *

Так о чем же думал Премьер, мысленно вглядываясь в туманное будущее?

«Что же будет с Долиной дальше? Вот, надеемся, вылечится сын Саньча – прекрасно, а потом? Высшие силы, или, скажем так, Мать-Природа, послали людям прекрасный дар –

исцеляющую Долину. И что же с ним будет, с этим даром? Как люди им распорядятся? В чем предназначение Долины в этом мире?

Ну, ясное дело, лечить людей. Но кого? Семь миллиардов больных не вылечишь. И тут ясно – лечить надо детей. Детский госпиталь – вот что нужно, пожалуй. Отличная мысль – детский госпиталь! Или санаторий. Хотя это будет безумно трудно. Даже если никто не будет мешать. А мешать будут, и очень!»

Его понимание жизни подсказывало, что Долине может грозить большая опасность.

«Когда станет широко известно об исцелении, туда будут рваться многие. И для исцеления, и для наживы. И они ее могут погубить. Очень даже могут!

Можно себе представить, сколько народу туда ринется! Куча авантюристов с начальной альпинистской и туристской подготовкой, влекомые и любопытством, и корыстью, и жадой исцеления, и хрен знает еще чем, и многие погибнут по дороге. А еще сверхбогачи, готовые отдать миллионы за проход в Долину и много больше – чтоб поставить там свой дом. За такие деньги найдется немало альпинистов, которые отнесут их в Долину хоть на руках. А еще любимые горняки, которые непременно захотят уставить Долину буровыми вышками – в интересах страны, разумеется. А еще спецслужбы, которым обязательно надо поставить свои станции слежения за вражескими спутниками, ракетами и самолетами именно в Долине, ну, больше-то негде. А еще политические зубры со своими многочисленными хвоями и бабами. А еще военные, а еще Академия наук, а еще криминал, а еще хрен знает кто. Ясно, что они или растащат Долину на куски, как уже растерзали многие озера и леса Большой Страны, или превратят Долину в помойку, и никого вылечить уже не удастся.

Премьер знал, что для долины примерно такого размера экологически допустимая предельная нагрузка составляет около двух тысяч человек, и то – если без промышленного производства. А для надежности лучше взять значение в 1200–1500 человек. При превышении этой нагрузки почва, воздух, растительность начинают необратимо меняться.

Этот печальный вариант неизбежен, если у Долины не будет единого хозяина и железной защиты. Абсолютно железной – даже нет, стальной – защиты! И кто сможет это, кроме него? В Большой Стране только Премьер и может это сделать, и он должен смочь!

«Да, в этом теперь и будет смысл моей жизни – защитить Живую Долину. И построить там детский госпиталь. Это будет мой последний бой. И оправдание всей моей жизни. И искупление всех моих грехов».

* * *

Таковы примерно были мысли Премьера, гулявшего по тропинке вдоль озера. Последние слова звучали бы несколько высокопарно, если бы они действительно звучали. Но ведь это были только мысли. А ведь даже и самый рациональный человек в мыслях своих нередко бывает иррационален и склонен предаваться самым невероятным мечтам и фантазиям.

Вечером он стоял перед зеркалом в прихожей, разглядывая морщины на лице.

«Вот ты и есть тот седой израненный барс, защитник Долины. И *они* еще узнают удар твоей лапы!»

Но как это сделать, он пока не знал. Только начинал обдумывать.

Решающий разговор

Через неделю Высокий с Санычем ехали к Премьеру с большим волнением, понимая, что его неожиданный интерес к Долине может сильно помочь будущей экспедиции. Но ведь он ничего им не обещал. А если возьмет да запретит экспедицию по каким-то причинам?

Премьер почти три часа внимательно слушал еще более подробный рассказ Высокого и Саныча о прошедшей экспедиции. Отчет в виде пачки плохо пропечатанных на машинке листов с рукописными вставками и исправлениями положили ему на стол. Никто из его людей никогда бы не осмелился подать ему какой-либо документ в таком виде, но здесь Премьер даже не поморщился.

Потом был послеобеденный кофе на веранде.

– Как вы планируете следующую экспедицию?

– Человек двенадцать альпинистов из нашей команды, они уже практически есть, плюс врач, геолог, ботаник, может быть, химик или эколог. Их сейчас ищем. Эти могут быть хотя бы с начальной альпинистской подготовкой. Недели на три с начала августа.

– Руководитель – вы? – Премьер повернулся к Высокому.

– Нет, Саныч справится лучше. Уж поверьте, он очень сильный организатор.

– Хорошо. Вы стоимость прикидывали?

Высокий напрягся: «Подходим к главному».

– Да. Приблизительно восемьдесят тысяч, меньше будет трудно, – ответил Саныч и замер в ужасе от громадности этой цифры.

– Нашли уже что-то?

– Ну, в общем, пока... тысяч пять...

– Круто! – Премьер хмыкнул. – Значит, восемьдесят тысяч хотите...

– Мы можем попробовать и в шестьдесят уложиться, – сказал Высокий зачем-то и подумал: «Сейчас скажет: ну, вы наглецы, парни!» И вдруг услышал:

– Нет, уважаемые, экспедиция должна быть уже не чисто альпинистская, а серьезная научная экспедиция, численностью человек, ну, скажем, тридцать пять – сорок. Стоить она будет от полумиллиона и выше. Деньги я вам найду.

Саныч и Высокий в обалдении посмотрели друг на друга, потом на Премьера. А тот явно наслаждался произведенным эффектом!

– Я не шучу. Деньги будут. А вот вам следует очень хорошо подготовить экспедицию. И начинать надо уже завтра. Мне ли напоминать вам известное выражение: экспедиция – это подготовка.

Премьер хорошо знал почти все отрасли промышленности страны, но особенно тесно он был связан с горняками и ТЭКом, хорошо понимал их проблемы. В свое время он защитил кандидатскую диссертацию по экономике геологоразведочных работ, а затем и докторскую по экономике строительства в горной местности. Сложность и стоимость работ в горах он представлял, как мало кто еще.

– А как вы видите будущее Долины? В далекой перспективе?

– Мы уже обсуждали с Санычем. Наше мнение – как было бы здорово создать там детский санаторий! Но как это сделать, мы не...

– Вот! Вот именно, вот именно! И я так же думаю! Как здорово, что нам в голову пришла одна и та же идея!

Премьер был очень обрадован. «Значит, эта идея естественна! Какие же они все-таки классные парни! Надо будет потом со всей их командой познакомиться».

– Это трудно. Но не безнадежно. Я думаю об этом. Это все невероятно дорого. Но это позже. Сейчас главное не это. На первом месте сейчас стоят две проблемы. Одну из них должны решить вы с моей помощью, а другую – я, может быть, и с вашей помощью.

Первая проблема. Того, что мы с вами верим в Долину, совершенно недостаточно. Мы должны это точно проверить и убедительно доказать всем ее целительные свойства. Это предстоит сделать вашей экспедиции.

Туда нужно забросить на месяц или больше целую команду ученых. Плюс оборудование – химическое, медицинское, геологическое. Я потом скажу, что именно надо. У нас есть опыт освоения новых месторождений в пустынных районах.

Вы, альпинисты, будете помогать специалистам. Они сейчас будут главными. Это будет не альпинистская экспедиция, а научно-исследовательская. Осознайте это, молодые люди, если мы хотим что-то сделать в Долине. Чтобы добиться серьезного государственного финансирования строительства санатория, нужны очень веские аргументы. Вам нужно их добыть. В общем, придется истратить месяца два. Да, я понимаю, вы зарабатываете, как инструкторы, в альплагерях, но, думаю, мы сможем вам это компенсировать.

– А сколько приблизительно может стоить такой санаторий? – спросил Высокий.

– Строительство – миллионов от двадцати до пятидесяти. А эксплуатация – даже затрудняюсь сказать. Еще больше, наверное.

– Но это же нереально! – почти крикнул Саныч. – Я сам читал в правительственной прессе, что у нас в стране громадный бюджетный дефицит.

– Парни, то есть, извините – господа! – улыбнулся Премьер. – Мне вот покорить Канчен-джангу нереально, а вы там были. А вот достать деньги уже вам нереально, а я... я, пожалуй, попробую. Но об этом потом.

А сейчас перейдем ко второй главной задаче. Прошу внимания. Сейчас я должен сказать вам очень важные вещи, и я настоятельно прошу вас о полной конфиденциальности. Ни друзьям, ни женам – никому. Иначе это может стоить жизни многим людям. Ну, например, вам.

Саныч и Высокий в недоумении переглянулись.

– Конечно, мы обещаем, но...

– Слушайте дальше. Все вопросы потом. Осознайте главное: Живая Долина представляет собой громадную ценность. Ценность высшую, человеческую, безусловно это в первую очередь, но еще и ценность коммерческую. Она, может быть, ценнее какого-нибудь Клондайка. Если она действительно такова, как мы с вами надеемся, ею захотят завладеть очень многие сильные мира сего. Да, и, кстати, скажите мне, без вас можно ли найти вход в Долину?

– Сложно! Мы описание маршрута еще не сдавали в...

– И не сдавайте! Я вас очень прошу. Наврите там что-нибудь. Скажите, спецслужбы запретили. Ну, намекните, что там урановые рудники будут. Материалы у вас?

– У меня в основном, и кое-что у Саныча.

– Так, больше – никому! И надо будет снять копии. Береженого, как говорится... Но я продолжу. Так вот, я полагаю, Долине может грозить опасность.

Далее Премьер изложил те соображения, которые он обдумывал в прошлые выходные. Парни были неприятно поражены. О последствиях открытия Долины они до этого думали в основном в оптимистическом ключе. А тут такое!

– А что же делать? Как же можно защитить Долину?

– Я как раз размышляю об этом. Придумаю – обсудим. А пока что всем ребятам, кто был с вами, строго накажите на время замолчать. От этого зависит, сможем ли мы уберечь Долину. Некоторые шансы есть. В битве за Долину у нас будет преимущество по времени. И второе: как можно раньше у меня на руках должен оказаться отчет о результатах будущей экспедиции. Тогда я смогу начать действовать. И главное в нем – надо подтвердить ее целительную силу.

Автор не будет приводить весь разговор, он был длинный, с повторениями, и, может быть, с не очень важными сейчас для нас подробностями. Договорились, что за осень-зиму альпинисты проработают маршрут и в основном подберут состав экспедиции. В свою очередь, Премьер включает экспедицию в государственный план топографических и геологоразведочных работ, что позволит уже на ранней стадии выделить финансирование.

Кроме того, Премьер пришлет одного из своих людей, опытного организатора, для постоянной помощи экспедиции, особенно в материальном обеспечении. Основной же этап подготовки договорились начать в апреле.

– Мы не имеем права на ошибку, – сказал Премьер на прощанье. – Готовимся сверхтщательно. Экспедиция должна – нет, обязана! – оказаться удачной.

* * *

Друзья ехали домой совершенно обалдевшими. То была середина октября. Деревья по обочине дороги стояли разноцветные, неправдоподобно красивые, и нашим путешественникам казалось, что они находятся в каком-то сказочном мире...

У людей, имевших отношение к Долине и с которыми автору довелось потом беседовать, слова «нереально», «сказка», «безумие» и другие подобные были очень частыми в лексиконе.

И еще: всей восьмерке Высокого Долина часто виделась во снах.

Осенний слет

Ноябрины

Автор уже писал о Кордах, где скалолазная жизнь не прекращалась почти круглый год. Но несколько раз в год туда приезжало особенно много народу. Так, например, у альпинистов Большой Страны был обычай собираться на Кордах в начале ноября. Там к выходным добавлялись еще два дня Праздника Урожая, так что получалось четыре дня подряд, что было удобно для выезда, и альпинистский народ прозвал это замечательное мероприятие Ноябрины. Погода в те дни обычно тоже помогала, дарила последнее солнышко.

Официально это было первенство страны по скалолазанию, проводившееся в нескольких номинациях. Среди них были и индивидуальные гонки на скорость, и парные, и в связках, среди мужчин, женщин, новичков и так далее. В первенстве выступали главным образом молодые скалолазы и альпинисты. Они завоевывали себе репутацию в альпинистском мире, а мэтры в основном были в жюри и в зрителях.

Основной же зрительский контингент, конечно, составляли усердно тренировавшиеся новички, плюс еще подружки альпинистов, а также много разных случайных личностей, вроде автора.

Более важной идеей Ноябрин была встреча основных альпинистских команд страны для неофициального подведения итогов сезона, для обмена многочисленными воспоминаниями, историями, для поминания погибших.

Ставили сотни палаток, зажигали множество больших и малых костров, ходили от костра к костру друг к другу в гости. У старейших команд места основных костров были закреплены навсегда. Страстных разговоров на все темы велось тут очень много.

Но, как прекрасно понимает всякий читатель старше 14 лет, трудно разговаривать всухомятку, а поэтому с наступлением сумерек народ быстро переходил к главному мероприятию Ноябрин – *совместному распитию спиртных напитков*, как пишут в полицейских протоколах. За этим и одновременно с этим обычно следовало исполнение любимых песен под гитару и даже под баян.

– «Руси есть веселие пити», – цитировал один старожил Корд, отчисленный в свое время за оное веселие с истфака Университета после трех «академок», – а наше веселие есть и пити, и пети.

Несколько слов курсивом. Ночь на Кордах

Автора как-то много лет назад, еще на первом курсе, судьба в лице друга Серезжи (земля ему пухом!) занесла на Ноябрины. Там он в первый же день совершенно неожиданно для себя принял участие в оглушительной пьянке в одной из больших компаний. Воспоминаний об этом удивительном празднике жизни ничто в его последующей жизни затмить не смогло. На начинающих, знаете ли, спирт действует иногда очень, очень сильно...

Но зато какие песни пели потом всю ночь у костра! Человек пятьдесят там было, приехал известный бард В., еще два малоизвестных. И как много там звучало новых для автора песен!

Стоп, стоп. Если автор сейчас не остановится и пустится в дальнейшие воспоминания, то позабудет про Долину. А оно нам надо? Давайте не отвлекаться. Пусть тот, кто сможет, какой-нибудь новый Довлатов, напишет очерк жизни на Кордах, она того достойна. А мы

двинемся дальше своей дорогой и расскажем об одном важном событии. Но сначала –

Еще несколько слов курсивом. Альпинисты и алкоголь

Один бывший альпинист, хороший человек, наскоро просмотревший ранний вариант этой книги, хмуро заметил автору, что в книге альпинисты что-то уж слишком много пьют, а в реальности, мол, это не так.

Ну, что ж, ему, конечно, виднее. Но автор еще раз напоминает, что он пишет сказку, а в сказках бывают и преувеличения, и даже чудеса.

Реальные альпинисты, конечно, не пьют, это всем известно. Автор готов поклясться, положив руку... ну, скажем, на учебник физики Перышкина, что альпинисты все трезвенники (и нечего там хихикать в задних рядах!).

Но вот сказочные альпинисты – это совсем другое дело. Эти иной раз квасят будь здоров как. Автору в процессе сбора материала для этого повествования пришлось немало выпивать со многими персонажами данной книги – а как их иначе-то разговорить? Это такая особенная выпивка, которая в первую очередь нужна для душевного разговора, а потом уж для опьянения. Поговорить-то откровенно людям надо, не так ли?

Так вот, насколько автору удалось заметить, пьют альпинисты нормально, может, и не сильно больше других представителей вида Homo Sapiens, но, уж, конечно, и не меньше.

* * *

Случилось это, скорее всего, не в тот год, а несколькими годами раньше. К костру Высотников вечером подошел Байрон со своими людьми. Две очень сильные команды, соперничавшие, но очень уважавшие друг друга. Иные даже говорили, что две сильнейшие в стране. Не автору судить, кто там у них сильнейший. В стране было немало отличных команд, а расставлять их по ранжиру и не нужно, и не хочется.

Все с достоинством пожали друг другу руки. Почти все хорошо были между собой знакомы, многие вместе ходили на восхождения. Хозяева достали копченую колбасу, тушенку, поставили варить макароны. Байрон и его люди принесли несколько бутылок водки. Все по обычаю – выпивку приносит гость, закуску делает хозяин. Народ усаживался вокруг большого костра, выставлял кружки, весело переговаривался.

Байрон

Было немало восходителей, известных всей Большой Стране, в том числе и Высокий, и Саныч, но Байрон, несомненно, считался самым известным. Он был года на три моложе их обоих. Его команда тоже была молодая, но по числу ярких восхождений за последние годы она уже как минимум не уступала команде Высокого.

Сам Байрон был сильным и физически, и как лидер. Он был человеком среднего роста, очень ловкий и гибкий, многократный чемпион страны по скалолазанию. Иногда на соревнованиях он шел вверх с такой скоростью, что создавалось впечатление, будто этот скалолаз бежит по скале вверх, как паук. Характерным почерком Байрона в горах являлись быстрота подъема и выбор рискованных маршрутов, и ему всё удавалось.

В общем, этот человек был просто создан для альпинизма. А прозвище Байрон он получил за юношеское свое увлечение этим оригинальным и независимым гением, благодаря чему он еще и прекрасно выучил английский.

А «Любовь и смерть» он даже выучил наизусть:

Thus much and more; and yet thou lov'st me not,
And never wilt! Love dwells not in our will.
Nor can I blame thee, though it be my lot
To strongly, wrongly, vainly love thee still.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила
Преступно, без надежд, любить все вновь и вновь.

Байрон участвовал вместе с Высоким и Санычем в составе сборной страны в восхождении на Канченджангу. Но если для этих двоих это оказался единственный выезд в Гималаи, так как больше денег в Спорткомитете якобы не нашлось, то Байрон добился большего. Его великолепное лазание обратило на себя внимание самого Ричарда Милнора, великого альпиниста, покорившего все высочайшие вершины мира. Милнор захотел познакомиться с Байроном и даже предложил вместе пойти на Алмапурну по безумной по сложности северной стене. Такие предложения Милнор делал крайне редко, это была высокая честь для любого альпиниста. Но у Байрона неожиданно возникли трудности с получением непальской визы, и он не смог присоединиться к Милнору в оговоренные сроки.

Тем не менее, по рекомендации Милнора Байрон сумел получить гранты Европейского Союза Альпинистов для восхождения на Джомолунгму и на Чордори в составе некоторых иностранных команд. Джомолунгма покорилась без особенных проблем, а вот страшный Чордори отразил атаку британской группы, в которой шел Байрон. Альпинисты еле остались живы, двое из них потеряли несколько пальцев на ногах, но это еще, считай, дешево отделались. Чордори убивал почти каждого третьего восходителя. Байрон навсегда запомнил тот момент восхождения, когда ему стало откровенно страшно. Чудовищная скала отрицательной крутизны нависла над ним, и даже, ему показалось, опрокидывалась на него...

У Байрона была преданная ему команда учеников и последователей, которой он прививал свои принципы. Они считали его гением альпинизма. Команда представляла университетский альпинистский клуб «Кондор» и так же называлась, а их самих нередко звали Кондорами. Туда, в частности, входили Питон, Корсар, Чиполлино, Слон, Фил и другие. Однако не только спортивное соперничество зажигало искру между двумя командами. Тут было и нечто большее.

Нескончаемый спор

Пока макароны варились, вспоминали погибших прошедшим летом. У этих двух групп потерь не было, но в других группах были, и погибли хорошие парни, все присутствующие их знали.

– Ну, за ушедших, чтоб не забывать их, – само собой, не чокаясь. Слова «смерть», «гибель», «разбился» и т. п. не принято было произносить при поминании. Ушел – вот так можно было сказать.

Потом еще традиционное:

– Чтоб никогда больше! – но все знали, что все равно будут погибать.

Вот об этом-то и шла речь каждый раз, когда встречались на Кордах или где-то еще Высотники и Кондоры. Всем было известно, что их лидеры, Высокий и Байрон, были самыми яркими выразителями двух тенденций, или, резче сказать, двух идеологий в горных восхождениях.

Высокий был приверженцем классического стиля, основанного на тщательной подготовке восхождения и сведения к минимуму риска гибели участников. Байрон же был сторонником более смелого и быстрого, но и несколько более рискованного стиля хождения в горах. Этот стиль тогда только входил в моду.

У каждой стороны были свои аргументы. И альпинистская публика не раз, особенно на Кордах, становилась свидетелем споров двух команд. Споры, впрочем, проходивших без криков и грубости. Они уважали друг друга. Истерики в духе популярных телешоу здесь не котиrowались (как говорят в *определенных кругах*, считались *западло*). Если ты истеричка, то кто с тобой захочет идти в горы?

Участвовать в дискуссии могли все, и, действительно, многие говорили. И даже если изредка выступал какой-то горячий новичок, его никто не осаживал – типа «молод еще тут говорить!» – а выслушивали, все ведь когда-то были молодыми. Но в конце концов большинство участников замолкали. Их мнения определялись в большей степени принадлежностью к своей команде, а не продуманной принципиальной позицией, аргументы их были иногда сильными, иногда остроумными, но все же отрывочными. И в конце концов оставались только двое спорящих: Высокий и Байрон. Если присутствовал Саныч, он больше молчал, не мастер он был долго говорить.

* * *

Автору удалось собрать из воспоминаний очевидцев лишь некоторые отрывки этих споров, которые он попытался склеить в нечто связное, в некий единый разговор.

Выступал, допустим, Байрон:

– Вот ты часто, Высокий, толкуешь о ценности человеческой жизни. Кто бы спорил! Да мы все подпишемся под этим обеими руками...

– И н-ногами, – раздался пьяный голос откуда-то из группы сидящих Кондоров.

– Это крайне важное замечание, Чипо! – саркастически откликнулся Байрон. – Я всегда ценил тебя, как тонкого интеллектуала.

Раздались смешки, голоса:

– Его уже развезло, блин...

– Да тише вы там!

– Но только, мой дорогой Высокий, человеческое общество не может существовать без риска. Иначе оно погибнет, а точнее – сгниет. И сколько моряков погибло в Атлантике, пока Колумб не доплыл, наконец, до Америки. Но неужели же кто-то скажет, что они погибли зря! Первопроходцы часто гибнут, но это закон природы...

– Байрон, ты уже говорил это раньше. Я признаю этот аргумент, и я уже на него возражал. Суть моего возражения в том, что нельзя платить *любую* цену. Колумб поплыл не на авось, он долго готовился. Помимо везения, была и тщательная подготовка. И кто знает, как подготовились те, кто погиб. Может, некоторые и не очень хорошо.

Так и в альпинизме. Мы ставим цель, например, впервые взойти на какой-нибудь новый Монблан. Ищем наилучший путь – с учетом трудности восхождения, времени, возможностей участников, доступного снаряжения и, главное, с учетом безопасности подъема. Это похоже на то, что называется в математике поиском экстремума функционала при дополнительных условиях...

Прервать Высокого мог позволить себе только Саныч:

– Эй, Длинный, харэ уже тут умничать-то!

– Они всегда *хочут* свою образованность показать, – процитировал кого-то Крис ненатуральным голосом.

– Тихо, тихо, не слышно!

– Высокий, своими математическими терминами можешь пугать бабушек на лавочке у подъезда, – ответил Байрон несколько раздраженно, – а я слушал курс вариационного исчисления у Вельтмана еще лет десять назад. Но ты забыл, что не всякая задача имеет решение. И если твою задачу о безопасном восхождении, допустим, ввести в машину, то вполне можем получить на мониторе ответ типа: «А вот фиг вам, дяденька! Решения нет!».

– Погоди...

– Нет, Высокий, дай я все-таки закончу. Так вот, допустим, задача о безопасном восхождении на стометровый холмик решается, на двухкилометровую, трехкилометровую гору иногда решается, а вот, например, на пятитысячник – уже нет. Ни на один пятитысячник абсолютно безопасного пути нет. Всегда какой-то риск есть.

Так что же тогда, не ходить в горы? – продолжал Байрон. – Да, такое тривиальное решение математически всегда есть. Сиди дома, и ты будешь в полной безопасности.

– Вот как Слоны, например, – послышался снова голос слегка протрезвевшего Чиполино, и народ грохнул от хохота. Слоны были известны, среди прочего, тем, что, вернувшись домой после труднейшего восхождения на семитысячник Гашербрум, ухитрился в тот же день поскользнуться и сломать лодыжку, вылезая из ванны.

Байрон не выдержал и тоже засмеялся:

– Ладно, Чипо, уел ты меня. Но дайте же вы мне договорить! О чем я? Ах, да! Так что же, только так: сиди дома, и ты – ну, почти – в полной безопасности? Так? Нет! Это неправильный ответ! Потому что люди все равно ходят в горы, моряки идут в море, пилоты и конструкторы поднимают в воздух свои самолеты, хотя умирать никто из них не хочет.

– Автокатастрофы, – подсказал кто-то.

– Вот, кстати, и автокатастрофы. Это еще миллион примеров. Значит, люди согласны жить с определенной степенью риска. Потому, что их ведет великий инстинкт всего живого – инстинкт исследования и освоения нового, неведомого, инстинкт распространения и завоевания.

Да, кстати. Конечно, каких-то людей я бы и сам не пускал в горы, условно говоря, Шекспиров и Ньютонов – они слишком ценны для общества. Но обыкновенный человек, как мы, сам решает, идти или нет. И никаких к нему претензий быть не может: как решил – так решил! Но если ты пошел в горы, то ходи, как человек, а не ползай, как... улитка!

В общем, знаешь, жизнь давно решила задачу о допустимом риске, и решила правильно. Жизнь всегда все решает правильно, – закончил Байрон.

Надо сказать, что слова Байрона звучали довольно убедительно для слушателей. Спутники Байрона поглядывали на остальных со скрытым торжеством: «Наш-то каков!».

– Кстати, а у нас еще что-то осталось? – спросил Саныч.

– Не, кажись, все, – послышались разочарованные голоса.

Ледокол встал и молча пошел к палатке. Через минуту он вернулся с тремя бутылками по 0,5. Восторгу обеих команд не было границ:

– Ледокол, ты человек!

– Матерый человечиче!

– Глыба!

Ледокол молча улыбался, наслаждаясь народной любовью.

– Ну, будем! Эх, хорошо пошла!

* * *

После некоторой паузы разговор продолжил Высокий:

– На минутку отвлекусь. Жизнь всегда решает правильно, говоришь? А, по-моему, это просто красивая фраза! Все мы обожаем попадать в плен красивых слов, и, думаю, на этот раз и ты попал. Например, в середине четырнадцатого века за шесть лет от чумы погибла треть населения Европы. Треть, понимаешь? Это как минимум, а, может быть, и значительно больше! Так ведь это тоже жизнь решила, а не злодеи какие-то, и что же, скажешь, она решила правильно? Или гибель Помпеи, например? Нет, не надо ни из чего делать фетиш. Может быть, даже и из жизни, хотя... ладно, сейчас не об этом.

Но не это главное. Вот ты говоришь – инстинкт. Но человек чем-то отличается от животного! Разум-то ему зачем-то дан! И человечество – это не армия в сто миллиардов тропических муравьев, сметающих все на своем пути, не считаясь ни с какими потерями, а нечто качественно иное. И ценность человеческой жизни совсем иная, чем у муравья.

Конечно, в чем-то ты прав насчет неизбежности риска. Но главное – не в наличии или отсутствии риска, а, во-первых, в цели этого риска, и, во-вторых, в мере риска, в степени риска.

Ради чего? Если ты рискуешь ради спасения кого-то, это я понимаю. Но ведь обычно мы ходим в горы не ради чьего-то спасения, а ради каких-то иных целей. И тогда главный вопрос – о мере риска. Эта мера определяется интуицией, которая рождается из опыта. А вы эту меру риска превышаете постоянно, вот в чем все дело! И именно ты это вдохновляешь! – закончил Высокий.

Это было общим убеждением Высотников – что команда Кондоров ходит слишком рискованно.

– Значит, говоришь, мы превышаем меру риска? – спокойно заговорил Байрон.

– Да! Ты же, например, повел людей по ледяному мосту на леднике под Яркентау?

– Да, и мы прекрасно прошли туда и обратно, сэкономив кучу времени и сил.

– Да, но ты не мог знать, насколько он устойчив.

– Это ты не мог знать, тебя же там не было, – резонно заметил Байрон, – а вот я там был и оценил риск.

– А если б что случилось?

– Дак ведь не случилось, – это прозвучало у Байрона несколько цинично.

– И ты всерьез считаешь, что это ответ?

– Конечно!

– Обалдеть! Ладно, а вот этот твой прошлогодний зимний траверс по лавиноопасному склону под Хан-Боратом? Это же прямо было запрещено!

– Да, обычно склон опасен, – спокойно отвечал Байрон. – Но в прошлом году в том районе было очень малоснежно, мы видели всего один лавинный выкат вместо десятков. Риск был совсем небольшой. Да у нас в городе куда больше шансов получить сосулькой по башке, особенно выходя из главного здания Политеха.

Кондоры заржали. Их смешанная команда состояла в основном из университетских альпинистов, а политехники и универсанты постоянно подкалывали друг друга. А недавний городской скандал с сосульками, бурно обсуждавшийся в печати, был у всех на слуху.

– Остроумно, признаю, но к сути разговора отношения не имеет. Та разумная мера риска, о которой я говорю, выработана за сто лет альпинизма, за десятки тысяч восхождений в разных странах, и не может одна команда своим опытом перечеркнуть все это.

– А вот и нет, Высокий, может! Все новаторы перечеркивали предыдущий опыт. Паровоз перечеркивал опыт конной повозки, самолет перечеркивал опыт воздушных шаров. Сколько летчики разбивались – а представь теперь мир без авиации! Так что неправда твоя, Высокий.

Высокий помолчал. Потом сказал:

– Ну, смотри, Байрон. Как бы твои люди не заплатили когда-нибудь страшную цену за твою горную философию.

Среди сидевших у костра прошел некий ропот. Это было, пожалуй, резковато сказано. Еще не за чертой, но уже на черте. Но Байрон ответил неожиданно миролюбиво. Для него очень важно было хоть в какой-то степени переубедить Высокого, или, хотя бы, поколебать его позицию.

– Это не только философия, пойми, а еще и другая технология восхождений! Двигаясь быстро, мы уменьшаем многие риски! И когда мы ее отработаем, она существенно снизит жертвы в горах. Ты вот это осознай, Высокий! Вот ты любишь статистику, так вот: за последние четыре года серьезных происшествий не было только у вас, у нас, и у «Ледоруба». Но у нас больше всех восхождений, так что, *по чесноку*, мы первые, в том числе и по минимуму травматизма. И все это с нашей новой горной философией, как ты элегантно выразился.

– Да, вы первые, признаю. Но, по-моему, тебе просто невероятно везет. Просто поразительно везет. Я завидую, правда. Но это не может быть вечно, Байрон.

– Ну, это как посмотреть. Знаешь, я читал про полководца Суворова, которого тоже часто упрекали, что ему уж очень сильно везет. На что он отвечал: «Раз везенье, два везенье, да когда-то ж надобно и уменье!». Так что, может быть, дело не только в везении?

– Ну, если уж обращаться к истории, – сказал Высокий, – я тоже тебе приведу пример. Древние римляне одержали столько побед, в частности, и потому, что в военных походах на каждом ночлеге превращали свой лагерь в крепость: ставили кругом повозки, рыли ров вокруг, насыпали вал, ну и прочее там, чтобы защититься при внезапном нападении. Тратили время, силы. Хотя могли бы очень облегчить себе жизнь, да и двигаться заметно быстрее. Девяносто девять раз из ста в этом не было нужды, но вековой опыт говорил: укрепляй лагерь: рано или поздно враг появится, и появится внезапно. И вот только так они покорили весь мир!

– Ну да, конечно, римляне молодцы, – несколько иронически ответил Байрон, – но неясно, является ли твой пример аналогией по существу дела.

Из-за позднего времени многие уже устали, отвлеклись от сути разговора, и несколько туманное последнее замечание Байрона не все поняли.

Общее ощущение было, что в споре победил Байрон, но только, говоря по-боксерски, по очкам с небольшим перевесом. Все понимали, что этот спор решают не слова. Главный арбитр выскажется позже.

Было уже за полночь, Кондоры встали, все начали прощаться. Высокий и Байрон ударили по рукам, усмехнулись, глядя друг другу в глаза, понимая, что еще придется спорить не раз.

– Ну, чтобы никогда...

* * *

Через час большинство уже разошлись по палаткам, и после недолгой стадии смеха и разговоров все затихли. За день лазанья все устали. Только Высокий какое-то время еще бродил у костра, подгребая ногой тлеющие угли с краев в центр. Он хмурился и что-то бормотал себе под нос. Видимо, был недоволен состоявшимся разговором. Подошел Саныч.

– Переспорить его не могу, а чую, что-то не так. Сформулировать не могу. Да и везет ему офигенно.

– Да, брат... – ответил Саныч. И добавил после длинной паузы: – Тут только время решит. И, кстати, кое в чем он, может, и прав.

– Согласен. Но не во всем.

– Согласен. Не во всем.

– Иногда мне кажется, – сказал Высокий после паузы, – что мы с ним оба чего-то пока что не понимаем.

– Еще поймете, – хмыкнул Саныч, – какие ваши годы.

Философия не очень волновала Саныча. Мысли о сыне занимали его гораздо больше.

Вторая экспедиция

Сборы и Винни-Пух

Автор довольно плохо осведомлен о подробностях подготовки второй экспедиции, да и особенно не имеет намерений вдаваться в технические детали. Саныч же погрузился в это дело с головой, ему много помогали Ледокол, Солдат и другие. Высокий не мог – он был слишком занят по работе, Крис же высокомерно всю подобную прозу жизни презирал, выражая это своей известной поговоркой: «Альпинизм для меня начинается только в июне».

Важнейшую роль здесь играл рекомендованный Премьером помощник, обаятельный, чуть лысоватый толстячок средних лет с небольшой одышкой, сразу же прозванный Винни-Пухом. Он мог достать для экспедиции все. Он имел доступ ко всем складам Министерства Геологии и Геодезии, а на этих складах он был *вась-вась* со всеми заведующими.

Особой гордостью Винни-Пуха была мобильная лаборатория для биохимического и радиационного анализа, купленная в Германии за большие деньги. Лабораторию эту еще надо было переделать для того, чтобы иметь возможность транспортировать ее в Долину силами альпинистов. Еще он достал большие, восьмиместные, но очень легкие и удобные палатки из какой-то загадочной синтетики, в которых предполагалось поселить по два-три человека. Также были приобретены отличные портативные рации фирмы Siemens, которые, к сожалению, оказались впоследствии почти бесполезными. И наконец, несколько новейших японских фотоаппаратов и две кинокамеры.

Винни-Пух же в июне четко организовал транспорт для перевозки экспедиции и оборудования в Ближнегорье. Но дальше экспедиции пришлось рассчитывать только на выносливость альпинистов.

Использование вертолетов оказалось невозможным. Аэродромов и систем обслуживания для гражданских вертолетов в Ближнегорье не было, а с военными договориться не удалось. У них был какой-то очень негативный опыт пробных полетов в том районе несколько лет тому назад. У всех вертолетов при приближении к Долине начинала барахлить вся электроника и радиосвязь, была даже авария, правда, без смертельного исхода. Особого интереса продолжать не было, и полеты прекратили, а вертолетный полк перебазировали.

Все восхищались снабженческим талантом Винни-Пуха. Правда, завистники – а как же без них? – говорили, что его прозвище происходило не от внешности, а, скорее, от его винных пристрастий. Действительно, его отличала способность везде найти выпивку и дружески выпивать с кем угодно и когда угодно. При этом он оставался в здравом уме, вполне работоспособными, заметим, никогда не забывало продвижении своих личных интересов. Добавим еще, что он знал все новейшие анекдоты и мог довести до хохота любого начальника, равно как и любую секретаршу, правда, разными анекдотами.

Саныч всем говорил:

– Учитесь у Винни-Пуха – и как надо пить, и как надо работать. Он – гений.

Винни-Пух жмурился от удовольствия, когда узнавал про это восхищение Саныча. Удовольствие особенно усилилось, когда похвалы Саныча дошли до Премьера. С Санычем у Винни-Пуха возникла самая теплая дружба, которая очень способствовала интересам дела.

Серьезной проблемой оказался также поиск специалистов, готовых на серьезный горный поход. Двух геологов и одного врача нашли без особого труда, с химиками и биологами оказалось труднее. Одно только достижение Долины через несколько крутых перевалов требовало значительно более высокой физической и технической подготовки, чем бывало в обычных путешествиях. Со всеми новыми специалистами провели курс молодого горного бойца.

Вместе с ними этот курс также прошли женщины – Эльвира, биологиня Синичка, биохимик Афина, также в экспедицию вошли еще две альпинистки.

Легенды о Живой Долине специалистам подробно не рассказывали, говорили, что экспедиция совместная – биологическая и геологоразведочная. Но намекали: не пожалеете!

Невидимая рука Премьера решала немало проблем подготовки к экспедиции, мастерство Винни-Пуха – еще многие другие, но и на долю Саныча и его друзей тоже выпало множество самых разнообразных хлопот, которые слишком долго описывать, да и ни к чему. Премьер выделил Санычу приличных размеров ставку в МинГео, чтоб он мог полностью посвятить себя экспедиции.

Начало второй экспедиции

*Бей, барабан, походную тревогу!
Время не ждет! Товарищи, в дорогу!*

(Песня из старого фильма)

Перед выходом Премьер вызвал Саныча и Высокого.

– Мы не имеем права на ошибку. Ради Ежика, ради Долины, ради самих себя. Никакой небрежности, никакой спешки. Никаких несчастных случаев быть не должно! Это может все погубить, понимаете. Мы должны обязательно победить!

Когда освоитесь там и что-то станет понятно, еще до окончания экспедиции обязательно дайте мне как-нибудь знать, насколько она оправдывает наши ожидания. По десятибалльной системе. Ну, грубо говоря, если это обычная горная долина, то один балл, а если то, что мы ждем, то десять. Ну, братцы, ни пуха вам!

– К черту, – случайно хором ответили оба альпиниста, и все трое засмеялись.

Экспедиция вышла в начале июля. Она состояла из нескольких групп. Первыми выехали четыре человека во главе с Крисом, сопровождавшие микроавтобус и фуру со снаряжением. Сопроводительные бумаги вез присланный Премьером молчаливый человек в камуфляжной куртке с редким именем Ардалион. Все проблемы с дорожной полицией решались в течение минуты, когда Ардалион показывал документы. Да нам и неважно, что это за документы, главное, что довезли всё благополучно.

В районном центре Арбулак уже ждали два импортных мощных горных грузовичка, произведшие неизгладимое впечатление на местных жителей. Они все очень интересовались, что, куда и зачем, а также – сколько стоит такой грузовик. Крис объяснил без тени улыбки, что грузовичок стоит четыреста двадцать шесть тысяч американских долларов, а купить его можно только по предварительной записи на автомобильной бирже в городе Детройте.

Относительно же целей экспедиции он объяснил, что имеет строжайшее распоряжение записывать всех, кто этим вопросом интересуется, для последующей передачи списков в Службу Безопасности, во избежание проникновения шпионов. Это обстоятельство, а также визит камуфляжного Ардалиона к местным властям резко уменьшили толпу вокруг экспедиции. Местные жители почему-то не сильно любили Службу Безопасности, хотя никто из них никогда с ней дела не имел. Но эта таинственность, увы, была необходима, чтобы местные жители не стали следовать за экспедицией в поисках заработка и не нашли бы проход в Долину.

В грузовички все перегрузили и доставили на удобную для старта поляну на высоте около 2300 м, которую высмотрели еще в прошлом году участники первой экспедиции.

Затем туда прибыл основной состав экспедиции в количестве тридцати двух человек. Передовая группа из восьми альпинистов во главе с Высоким должна была выступить сразу же, забирая часть груза. Ей предстояло поставить лагерь в Предбаннике, затем пройти в Долину,

сойти вниз, прокладывая спуск для основной группы, то есть навесить веревочные перила, и сделать промежуточные площадки для хранения грузов. Потом, спустившись, внизу найти удобное место для базового лагеря. Главную группу, которая состояла из специалистов, остальных альпинистов, Эльвиры и Ежика, возглавлял Саньч. Она должна была доставить основной груз, в первую очередь мобильную лабораторию, и подойти дней где-то через шесть. Ежика нес, конечно, Саньч в специально переделанном рюкзаке.

Если несколько забежать вперед, этот план в общем и целом удалось выполнить без больших приключений, хотя мелких неурядиц хватало, как в любой большой экспедиции.

И снова Предбанник

*...завтра в горы.
Нам надо торопиться.
Подъем к шести часам.
Кончайте чай, ребята!
Оставьте разговоры.
Задания и карты
я приготовлю сам.*

(Вс. Рождественский)

И вот снова Высокий с командой в Предбаннике, в старом прошлогоднем лагере. Вокруг столь же пышное буйство природы, дополнительно украшенное множеством синих альпийских незабудок, разноцветных тюльпанов, алых маков, кустами рододендронов и многих иных цветов. Протекавший недалеко ручей обеспечивал путешественников вкуснейшей водой. Готовили в основном на примусах. Правда, за дровами для вечернего костра идти приходилось далековато, но что поделать, в горах это вечная проблема.

Впервые попавший сюда радиоинженер Маркони восхитился:

– Уже здесь так здорово, а что же тогда будет в Долине?

– Ты только увидишь ее, и сразу обалдеешь, – ответил ему Ледокол. – Это как любовь с первого взгляда.

Эти слова были настолько неожиданны в устах Ледокола, что все невольно на него оглянулись. Но никаких шуток и насмешек, как можно было бы ожидать при других обстоятельствах, не последовало. Высокий и Крис, уже видевшие Долину, подумали одно и то же: «А ведь точно сказано!»

Но, главное, теперь уже не надо было спешить, как в прошлые годы, времени было достаточно. Вечером у костра Высокий отдавал распоряжения:

– Завтра будет пробное прохождение Козленка, только до выхода в Долину. Внимательно смотреть, не произошло ли чего-то за год внутри, осыпания там или что-либо еще. В принципе, я думаю, можно весь путь и часа за полтора пройти, но мы не будем торопиться. Осторожность – прежде всего. Около выхода из Козленка найдем где-нибудь площадку для груза, перебросим часть его туда. Прежде всего, палатки, продукты, основные веревки и крючья. По очереди пойдут все. Зато послезавтра будет существенно легче.

Итак, завтра в первой группе стартуем: я, Крис, Ледокол, Солдат, Лесник. Соответственно, здесь остаются – Гарринча за старшего, Фома, Маркони. Эти трое пойдут во второй группе. Думаю, дважды завтра сходить успеем. Но Маркоша должен сначала добиться нормальной связи, иначе – четвертование, колесование, децимация, а если и это не поможет, то неделя без компота.

– Изверг, – буркнул Маркони.

– Это еще слабо сказано, – поддакнул Крис. – Я уже давно заметил, что у него пунтик на этом компоте. Просто маньяк какой-то. Видно, детдомовский.

– Так, остряки, ладно. Завтра подъем в шесть, выход в восемь. Дежурит утром... ну, допустим, Фома. Ну, все, барбосы, спать пора.

– Значит, так, Фома, лично мне утром кофе подашь прямо в палатку, – томным голосом изнеженного римского патриция изрек Крис, – очень крепкий, с сахаром. Можно даже без сливок, я согласен просто с горячим молоком.

– За такую наглость я могу тебе только холодной воды вылить в спальник, – смеясь, отвечал Фома.

– После этого ты – грубый, неотесанный мужлан, которому не дано понять мою тонкую душу!

– Да где уж мне!

Народ веселился.

Два слова курсивом. Фома

Еще с Политеха он был известен своим скептицизмом во всех изучаемых предметах. Постоянно требовал от преподавателей доказательств делаемых ими утверждений, чем многих из них весьма раздражал. Прославился тем, что в физлаборатории оказался единственным студентом за три года, кто не смог получить правильный результат по теме «Математический маятник».

– У нас тут какая-то странная гравитационная аномалия, – сказал он преподавателю. – Частота получается выше теоретической на два процента. Я два раза переделывал.

– Да, именно на два процента. Давайте зачетку, – ответил тот. – Первый раз за три года пятерка. Только тут не гравитационная, а магнитная аномалия. Я давно уже под столом вделал магнит, чтоб проверить, кто меряет честно. У них-то и не должно было совпадать с теорией. Так вот, только у вас одного и не совпало. Поздравляю. Вы – настоящий ученый.

Однажды давно он чем-то поранился на даче, ему сказали это, но он, не почувствовав боли, утверждал, что это томатный сок. И только лизнув свою руку, с удивлением констатировал:

– А действительно, кровь!

Оттого и получил прозвище – Фома неверующий.

Крис говорил, что если Фоме отрубить голову, то Фома этому не поверит, пока не увидит своими глазами.

Во многих экспедициях нередко оказывался завхозом. У него получалось.

Два слова курсивом. Лесник

Лес он действительно любил – так же, как и горы, но прозвище получил не поэтому. Как-то ездил по турпутевке в Норвегию и там удивительным образом ухитрился заблудиться в местном лесу. Благополучно нашелся и вернулся домой уже с новым именем – Норвежский Лесной. Имеет кота той же породы. Впоследствии плавно сократился до Лесника.

Два слова курсивом. Гарринча

В детстве был маленьким и легким, вырос и окреп только к концу школы. Много играл в дворовый футбол, и ему здорово доставалось в жестких стычках. Однажды, ему было лет двенадцать еще, его здорово «подковали»

в одной игре, и на ноге образовался громадный синяк. Мальчишке было больно, он чуть не плакал, но продолжал играть, хромая. И при счете 9:9, ковыляя, как подстреленная птичка, непостижимым образом ухитрился просочиться между двух здоровенных защитников и пробил вратарю «в домик».

– Ну, ты даешь! – заорали ребята.

– Такое мог только Гарринча! – сказал кто-то восхищенно, и эти слова сделали его абсолютно счастливым. Так и родилось это прозвище.

Вход в Долину

*Сегодня утром в горы,
чуть зорька тьму разгонит,
За розовую медью,
за голубым свинцом!
Сегодня утром в горы.
Оседланные кони
Храпят, звеня подковой,
перед пустым крыльцом.*

(Вс. Рождественский)

Высокий был ранней пташкой и вставал легко. Ровно в шесть он расстегнул спальник, сел и пропел соседу по палатке Крису:

Вставайте, граф,
Рассвет уже полощется,
Из-за озерной вынырнув воды...

И тут же вылез наружу. По привычке прежде всего обратил внимание на погоду, которая была совершенно распрекрасной. Высокий улыбнулся: «Все будет хорошо!».

Крис же был «совой» в крайней степени, и ранние подъемы в горах были для него мучением. Когда минут через десять Крис выполз-таки из палатки и стоял, пошатываясь, с полузакрытыми глазами, он услышал рядом:

– А вот и вышеупомянутая «прекрасная молочница». На вот тебе, пей.

Крис открыл глаза. Перед ним стоял Фома, протягивая кружку с горячим кофе с растворенным в нем сухим молоком. Крис протянул обе руки, взял горячую кружку и с наслаждением сделал глоток.

– Фомушка, родной, это же просто нектар. У меня нет слов! Спасибо тебе. Это чудо!

– Но, Кристобаль, должно же быть когда-то на свете счастье! Вот я тебе его и принес.

Крис отхлебнул еще и добавил:

– Вот ты даже сам не понимаешь, Фома, какую ты великую вещь сейчас произнес!

– Ну, где уж мне понять такую тонкую душу!

Высокий тоже пил кофе и слушал их, улыбаясь. Сегодня ему не хотелось никого торопить. Предстоял Великий День!

* * *

Как обычно, выход немного задержался, но в девять утра первая четверка вошла в Козленка и собралась в Холле (напомним, так называли заметное расширение прохода метрах в двадцати от входа).

– Так, парни, смотрим очень внимательно, что нового по сравнению с прошлым годом, особенно признаки осыпания, если есть. Осторожность – прежде всего. Я впереди, Ледокол замыкает.

Шли спокойно, и никакого нервяка, как в прошлом году, Высокий не ощущал. По следам на полу было видно, что животные по-прежнему здесь ходят, но немного. Ничего вызывающего опасения не было.

В этот раз, хоть и с рюкзаками, но прошли до конца Козленка довольно быстро. Снова вошли в зеленое буйство Долины, и снова радостное солнце пробивалось сквозь листву. Какие-то сильные цветочные запахи кружили голову. Все сидели на рюкзаках и улыбались. И Солдат, и Лесник молчали, но видно было, что они впечатлены.

– Это еще что, здесь почти ничего не видно, – нарушил молчание Ледокол, – а вот тут рядом есть полочка, оттуда такой вид!

– Вот, кстати, вы с Крисом и навесьте туда перила, – приказал Высокий. – Останется время – дадим ребятам, Солдату и Леснику, взглянуть оттуда. Это действительно нечто удивительное. А мы пока поищем место для склада.

Быстро нашли неплохую площадку недалеко от выхода, чуть правее и ниже, расчистили кое-как от травы. Забили несколько крючьев и навесили карабины, к ним прицепили рюкзаки. Вскоре Ледокол заорал, что у них все о'кей.

Через полчаса вся команда сидела на Балконе – так называли ту полочку – и любовалась Долиной. Впечатление от нее было еще радостней, чем в прошлом году.

– Похоже, что девушка тоже подготовилась ко второму свиданию, – Ледокол напомнил Крису его прошлогоднее высказывание.

– Ей и готовиться не надо, она прекрасна всегда, – ответил Крис как-то неожиданно серьезно.

– Ну, а ты что молчишь, Солдатык-братик? – это уже Ледокол.

– А что тут скажешь? Я балдею, – и тихо добавил, отвечая каким-то своим мыслям: – Все теперь будет оправдано, все!

Тут Лесник первый очнулся и достал кинокамеру.

– Такая красота, – бормотал он – но интересно, что получится.

Через некоторое время Высокий пробормотал:

– Ох, сидел бы тут вечно, да надо дело делать. Значит, так. Давайте попробуем сегодня метров пятьдесят пройти вниз. Посмотрим, каково это. Пойдем не по самому дну расщелины. Там мягкая почва, какой-то ручеек хиленький, и все травой поросло. Правее ручья, видите, эта бульба нависает, неудобно вдоль нее будет идти.

Бульбой он назвал громадный, метров сорок-пятьдесят высотой, каменный выступ.

– Потом как-нибудь слазаем на нее. А вот на нашей стороне, слева от ручья, похоже, идет поросший травой не очень крутой каменный склон. Там и будем навешивать перила. Вдоль них и проложим тропочку, чтоб ходить было в дальнейшем удобно.

Следующий час прошел в попытках найти правильную тактику спуска сквозь заросли, прежде всего, правильную прокладку пути по склону, и часам к двум упомянутую тактику вроде нащупали. Первые метров шестьдесят веревочных перил были навешены. На маленьком привале Ледокол торжественно указал на следы прохождения каких-то животных.

– Значит, мы правильно идем!

– А может, это тот самый прошлогодний козленок?
– Он сейчас уже, небось, не козленок, а горный козел!
– Это волшебный крылатый козел Гиркус, римский побратим эллинского Пегаса, – вдруг заговорил Крис театральным голосом. – Служит послом по особым поручениям... э-э... при Юноне и Диане.

– Скорее, не послом, а козлом по особым поручениям, – вставил Ледокол.

– Ну, Пегас – это, кажется, что-то по искусству, а вот этот Гиркус по каким таким особым поручениям? – иронически заинтересовался Солдат.

– Ну, разное, там... по лечебной физкультуре, например, – ответил Крис несколько туманно.

– Это с кем он там, с Дианой лечебной физкультурой занимается? Ну-ну, – ухмыльнулся Солдат.

– Ну вот, опять они все опошлят, – засмеялся Крис.

– А что ж тут пошлого? – подхватил шутку Криса Лесник. – Богиня охоты, носится по лесам целыми днями, наверняка у нее есть сопутствующие профзаболевания. А тут как раз и волшебный козел с полезной гимнастикой. И вообще, Козел – это звучит гордо! Вы только послушайте – Гиркус!

Народ веселился: Крис в своем репертуаре!

– Не, парни, а вы чувствуете, какие ароматы? Просто как оранжерея в Ботаническом саду. С ума сойти можно! – говорил Лесник. – Вы только посмотрите. Хвойные все тут, и сосна, пихта, лиственница, елок еще, правда, не видел. И можжевельника.

– Точно, – добавлял Ледокол. – И здесь не только альпийские... А вот я чую и можжевельник. О, а вот и снова рододендрон, кстати!

Возвращались в базовый лагерь еще засветло, в прекрасном настроении. Лесник, проходя по Козленку, все время распевал что-то вроде: «Родо-додо-додо-дендрон, родо-дендрон, дродо-до», но это никого не раздражало, а только веселило.

В лагере Маркони доложил, что связь здесь по-прежнему очень неустойчива, большие помехи. С группой Саньча удалось связаться только два раза, на одну минуту и на тридцать секунд.

– Это бывает в горах, особенно когда поблизости какие-то большие рудные месторождения залегают. Но я понял, что они двигаются по графику. Ну, еще пока и прохождение радиоволн нестабильно. Может, завтра лучше будет.

– Нам надо будет завтра попробовать связаться с тобой из Козленка и из Долины, – сказал Высокий.

* * *

КСС. У вечернего костра прошло совещание. На следующий день был назначен спуск в Долину.

Пришли!

Утром вышли: Высокий, Крис, Ледокол, Солдат, Лесник, Фома.

Несмотря на крутизну склона, и густую траву, и кустарник, спуск вниз шел удачно. Через каждые метров двадцать-тридцать старались найти опорные площадки, с учетом дальнейшего использования этого пути. Между ними навешивались перила.

Ущелье расширялось, появились группы лиственных деревьев – буки, дубы. Слышались детски-восторженные крики:

– Ой, вот и шелковица!

- Абрикос! Почти созрели уже...
- Дикий миндаль!
- Яблоня! Яблочки кисленькие, но приятные!

* * *

Пейзаж быстро менялся на равнинный, вскоре невядалеке внизу сверкнула река. Сверкающий поток метров двадцати шириной быстро двигался перед ними слева направо, создавая водовороты и воронки. Высокий послал народ в разведку.

Вверх по течению виднелись симпатичные лужайки, покрытые цветами, за ними смешанный лес. Места для лагеря там, видимо, значительно больше.

- Вода-то, вода какая чистая!
- Ребята, ребята, сюда! – раздался радостный голос Фомы.

Часть опушки вдавалась в лесной массив как бы заливом, и эта поляна, шириной метров шестьдесят примерно, вся была покрыта земляникой. Спелой, крупной, красной-прекрасной, совершенно роскошной ягодой!

- Господи, ну ведь бывает же такое чудо на свете!

Уже было четыре. Надо было ставить лагерь, и народ вопросительно посмотрел на Высокого.

- Командир, что скажешь?

Высокий был высок не только ростом и знал, что иногда можно нарушать все правила. Надо только хорошо понимать, когда бывает это «иногда».

- Ну, ладно. Пятнадцать минут даю. Не больше! Ну, прямо, как маленькие...

Но радость не меряется секундомером. Здоровенные парни больше часа бродили по поляне, иногда сидели с блаженными улыбками, как дети, перемазанные красным соком. Время было забыто.

В полшестого Высокий обещал всем Варфоломеевскую ночь, и публика потянулась назад к рюкзакам.

– Это Долина нас так приветствовала. Эта Земляничная Поляна – это ее хлеб-соль нам, – сказал за ужином Крис.

Никто и не возражал. Усталость навалилась мгновенно, и все быстро заснуло. Высокий включил рацию, попытался было связаться с Маркони, но, кроме дикого воя в наушниках, он ничего не услышал. Лишь на несколько секунд вдруг прорвалась из какого-то безумного далека и полоснула его по сердцу мелодия из далекого прошлого:

Мне б забыть,
не вспоминать
этот день, этот час...

* * *

Зато следующий день был полон забот и прекрасных открытий.

– Так, – сказал за завтраком Высокий. – Общий план такой. Пока остаемся здесь, если не найдем чего-то радикально лучшего. Окончательно решит Саньч. Далее, разведка территории вверх и вниз по течению. Кстати, предлагаю назвать речку Живинка. По глазам вижу, что все «за». Так, утвердили. Далее, поиск места для переправы. Это сделаем мы с Лесником. Остальные – подготовка мест для палаток основной экспедиции. Не знаю, есть здесь сушины или нет. Пока их что-то не видно, надо поискать. Найти удобные подходы к воде для разных

нужд. Найти два места для туалета. Стоять долго, сами понимаете. Потом сколотим там какие-нибудь будки.

Так, внимание! Очень важно. Принцип – не гадить! Здесь должен быть совсем особый режим. Долина нас пустила, она смотрит, как мы ведем себя. Думайте, что хотите, но она на нас смотрит. Мы должны ее беречь и не обижать. По минимуму рубить. Без нужды лучше вообще ничего не рубить. Жечь костры тоже будем по минимуму.

Так, что дальше? Мусорную яму надо будет сделать. Непищевой мусор будем стараться выносить из Долины, а то быстро тут загадим все. Хоронить его будем в Предбаннике или где-то еще подальше. Да и пищевой, может быть, тоже. Надо подумать.

Да, и пока что поодиночке стараться не ходить. И кто-то всегда чтоб был в лагере. Осторожность пока не помешает...

– А можно хотя бы пописать сходить поодиночке, гражданин начальник? – съехидничал Крис. – Ну, что ты, Высокий, так смотришь, правда? Я, что, теперь и слова не могу сказать, да? Я вообще молчал всю дорогу.

Все засмеялись: Крис молчал всю дорогу – отличная шутка!

* * *

А вечером у костра все вперебой делились впечатлениями.

– Запахи везде – это с ума сойти!

– А это вот что за цветок, Ледок? Лесной, а ты знаешь?

– А я нашел вишню! Правда, кисловата еще.

– Для мусорной ямы место вроде есть, туда вот метрах в ста.

– А на том берегу какие-то, вроде как, зайцы днем бегали. А может, и барсуки, не разобрал.

– Ну да, конечно, они же практически неотличимы!

– Мы с Лесником присмотрели место для переправы. Завтра попробуем. Вот, думаю, что еще нам надо сверху взять из снаряжения, – говорил Высокий.

– А мы вон там видели кедр.

– Не может быть! Здесь – сибирский кедр?

– Точно! Ледокол его чуть не завалил лбом. Но кедр в последний момент увернулся!

Ледокол добродушно отбивался от дружеских подколов:

– Да ну вас, трепачи!

* * *

– Тут вообще такой, можно сказать, зоопарк для растений.

– Флоропарк.

– А птицы!

– Да, как здорово здесь птицы поют!

– Ага, особенно дятлы.

– А, кстати, знаете, что у дятлов стук – это их телеграф такой?

– Да, это они передают друг другу, что приплыл Ледокол, а это значит, что всем – крышка!

Тут Ледокол встал и медленно, с расстановкой произнес:

– Некоторые, – выдержав тяжелую паузу, он обвел всех суровым взглядом, – ошибочно полагают, что мое терпение беспредельно.

На несколько секунд стало тихо. Потом был взрыв восторга:

– Ледокоша, это гениально!

– Вот это сказал, так сказал!

- Высечь на мраморе – на века!
 - Шекспир отдыхает!
 - Это будет *посильнее, чем «Фауст»!*
 - Чем «Илиада»!
 - Чем «Колобок»!
- Ледокол не выдержал и сам засмеялся:
- Да идите вы, звездоболы хреновы!

* * *

- Вот что здесь радует – никаких следов человека.
- В этой ситуации – радует.
- Вообще, какое-то радостное место.

Так шумели они целый вечер, делясь впечатлениями, смеясь, перебивая друг друга, как мальчишки. Высокий же все это время делал записи в дневнике.

* * *

Из дневника Высокого

«...июля. Это был наш первый полный день в Долине. Пока все нормально, тьфу-тьфу. Похоже, тут много необычных растений. Вся листва какая-то пышная, сочная. Настроение у народа приподнятое, как будто все под хмельком. Воздух пьянит. Действительно, радостное место!»

* * *

Потом он велел Крису и Леснику рано утром идти обратно в базовый лагерь База-0 в Предбаннике. Надо было проверить, реально ли обернуться за один день туда и сюда, узнать у Маркони о движении Саныча с основной группой, и притащить сверху побольше крючьев и веревок для переправы.

– Крис, хронометрируйте весь путь. После пятнадцати назад выходить нельзя, а то придется спускаться в темноте. Тогда вернетесь послезавтра. Лесник сменит Гарринчу. Лес, ну, не дуйся ты, потом и тебя сменят. Ну, кто-то же должен быть в Базе-0.

– Ну, а теперь, – продолжал Высокий, – смертельный номер. Повторять запрещаю.

И он легонько чиркнул себя острым лезвием ножа по тыльной стороне запястья. Сразу же неровной полосой выступила кровь.

– Ты что, охренел?

– Спокойно. Вот перекинься, бинт. Кристо, перевяжи, давай. Завтра посмотрим. Крис, я сказал, не вздумай повторять!

Но Крис и не стал повторять, а, взяв головню из костра, прижег тыльную сторону ладони.

– Да вы что, парни, ё...улись тут все?

– Это просто эксперимент, мы ведь ради этого и пришли.

Вот и Саныч

КСС. За следующие несколько дней была налажена переправа через Живинку, выкопаны ямы для мусора и туалетов, поставлены жилые и технические палатки, сложены очаги, повешены тенты для кухни и столовой, и сделано еще многое другое.

* * *

Через три дня подошли Саныч с основной группой. Туда же, в Предбанник, вышли Высокий, Крис, Ледокол. Много тут было всякой суматохи, рассказов, упаковки, перевязки и перекладки грузов. Особенно много проблем было с мобильной лабораторией, которую надо было аккуратно распределить по рюкзакам. Больше распоряжался Высокий, а Саныч много внимания уделял Ежику, который неважно себя чувствовал из-за акклиматизации и высоты.

Вновь пришедших, альпинистов и специалистов, провожали в Долину группами по три-четыре человека люди из группы Высокого. Особо внимательно сопровождали и в Козленке, и вниз, в Долину, Ежика, в спецрюкзаке Саныча, под конвоем трех человек. Эльвира шла позади мужа, все время подбадривая сына.

– Смотри, малыш, этот путь нам показал один маленький козленок. Папа и Высокий его видели. У него болела ножка, но он ее вылечил.

– Мам, а почему темно? Я боюсь!

– Не бойся, малыш, мама и папа с тобой. Мы идем в одно чудное место. Будем собирать землянику.

Но Ежик боялся необычной темноты и все время плакал. Однако когда вышли в Долину, он перестал плакать и с интересом стал озираться вокруг.

– Смотри, малыш, смотри, зайчик побежал!

– Зайка! Мама, зайка!

Когда спустились, очень уставший ребенок тут же заснул. Палатка для него и Эльвиры была уже готова, и она тут же унесла Ежика в нее.

– Так, народ, – выступил Саныч, – распределяйтесь по палаткам и устраивайтесь. Завтра же все химики, ботаники и прочие наукообразные начинают свою работу. Времени терять нельзя. А альпинисты завтра обустроят лагерь. Перебазироваться не будем.

* * *

Поздно вечером у костра, когда большинство уже спало, остались лишь несколько человек.

– Саныч, смотри на запястье! – Высокий протянул руку.

И что такого в твоём запястье?

– Не видишь?

– Ну, не вижу, и что?

– Вот эта узенькая полоска?

– Ну, полоска, еле видна, и что? Слушай, хорош уже тут ребусы мне...

– Это же прекрасно, что ты ничего не видишь! Помнишь Ледокову царапину? Так вот, четыре дня назад я резанул здесь ножом. А теперь уже ничего нет. У меня давно похожий же шрам был, так он пять лет уходил.

– Ага! А ты еще по шее полоснуть не пробовал?

– Дуралей! – засмеялся Высокий. – Кстати, а где Крис? Кристо, как твой ожог?

Подошел Крис, размотал бинт.

– Во, глядите! Чисто розовая кожа!

– Ладно, но обязательно оба покажете потом доктору.

Некоторое время все молчали, только потрескивание веток в костре нарушало тишину.

* * *

– Братцы, у меня к вам одна необычная просьба, – начал Высокий каким-то странным голосом. – Пять минут все сидим и слушаем молча, а потом все независимо скажем, что слышали. Пожалуйста, без вопросов. Просто тишина.

Молчание продолжалось несколько минут.

– Ну, что, парни?

– Можете надо мной сколько угодно смеяться, – неуверенно произнес Ледокол, – но мне два раза слышался, ну... как будто бы... детский смех, откуда-то издалека.

– А мне тоже, только один раз, а еще звон колокольчиков, – сказал Крис.

– С ума можно сойти, – добавил Саныч, – я точно слышал далекий детский смех. Несколько детей. Как будто где-то далеко детский сад гуляет. С ума сойти...

– Вот, а я это уже третий раз слышу здесь. Вот, говорят, можно вечно слушать журчание ручья, шум прибоя, еще там что-то. А по мне, так можно вечно слушать шум детских голосов на площадке детсада, – продолжил Высокий.

– А вот что это, коллективная галлюцинация?

– Нет, брат, нет, – решительно произнес Саныч. – Это не галлюцинация.

– А что?

– Это – Долина.

– Да, ты прав, – сказал Высокий после паузы, – это Долина. Ее голос. И, мне кажется, она нам рада.

– Парни, а вы тут все не чокнулись разом? Вы же инженеры, физики, так вашу мать! – удивленно сказал Крис. – И вы говорите о ней так, как будто она вправду, как... какое-то живое существо!

– А вдруг и вправду? Мы же еще далеко не все понимаем в природе, – сказал Саныч.

– Еще не все понимаем? Ну ты даешь, брат! – воскликнул Высокий. – Скажи лучше – очень мало, что понимаем. А вдруг это действительно какой-то иной тип живых существ? Громадный кусок ландшафта со всем, что там растет и живет, с травой, деревьями, живностью, почвой, воздухом, почему-то обладающий чем-то вроде разума. Вот кто, например, знает, что там скрывается в пещерах внутри окрестных хребтов? А? И, кстати, ведь были такие гипотезы, что вся планета Земля – живая, не помню, у кого.

– А вот у древних, причем это у очень многих народов, все реки, озера, моря, горы, долины и прочее – имели своих духов или богов, а иногда отождествлялись с ними, то есть считались живыми, – вступил Крис, отчасти даже противореча своему предыдущему высказыванию. – Вот у эллинов, например, была богиня Земли Деметра, или, если произнести по-другому, Зем-Метра, то есть Земля-Матерь. Она же – Земля, и она же живая, и она же богиня древнегреческого пантеона. Это все было едино. И древних греков заявление, что Долина – живая, ничуть бы не удивило. Скорее, их бы удивило, как можно думать иначе.

– Слушайте, но ведь, тогда имя «Живая Долина» приобретает новый смысл, – неожиданно вступил Ледокол. – Не только «Долина Живого», и не только «долина, спасающая жизнь», но просто, буквально, живая долина. Язык сам подсказывает.

– А хорошо ты сказал, Ледок! – восхитился Крис. – Это давно замечено, что язык нередко бывает умнее нас. Вот, например, все думают, что Высокий – это просто кличка такая. А ведь если внимательно присмотреться, так ведь он же и вправду высокого роста! – Раздался хохот.

– А кстати, и наш язык, ну, то есть речь, тоже, может быть, живое существо... в каком-то особом смысле, – вдруг неожиданно добавил Крис.

– Твой язык – это точно живое, и довольно ядовитое, – вставил Ледокол под общий смех.

– Не, ну серьезно, я вправду так думаю.

– Ну, ты скажешь тоже, чушь какая-то, – удивился Саныч.

– Лучше не спорь с филологом, себе дороже будет, – засмеялся Высокий, – слова – это же его оружие. Проще сразу дать ему по башке. Но, к сожалению, вот конкретно этому дать по башке будет сложно.

– Не обижайте филолога, люди, – нарочито обиженно сопя носом, сказал Крис, – во-первых, он хороший. А во-вторых, – голос его стал стальным, – он может и сдачи дать, – Крис демонстративно поплевал на свой кулак. Снова смех. – И вообще, я, можно сказать, сама доброта, а вы вечно меня рисуете каким-то злодеем.

– Да, жизнь показала, как ни странно, – сказал Саныч, вспомнив по ассоциации что-то из своего прошлого и посмеиваясь, – что иногда хороший прямой в челюсть является отличным аргументом в борьбе за Истину. Нет, ну, конечно, не всегда, но изредка. А вот, кстати, знает ли об этом мировая философия?

– Еще как знает! – авторитетно выступил крупный эксперт по мировой философии Крис. – У нас в зале был один аспирант с философского, раздолбай редкостный, но махался он – будьте-наде! «Вертушку» делал классно, что твоя мельница!

– Парни, парни, – прервал всех Высокий, – мы, как всегда, уехали в сторону от главной темы. У меня есть предложение. Живая наша Долина или нет – это будет вечная тема для споров. Но вот относиться к ней лучше всего, как к реально живой, то есть уважительно и даже, можно сказать, нежно. С любовью. Как будто мы – ее дети, внуки или правнуки. Мы сейчас у нее дома, мы у нее в гостях. Она открыла нам дверь и пустила нас. И мы должны вести себя достойно. Как будто она все время смотрит на нас. И надо эту мысль донести до всей экспедиции.

С Высоким согласились все. Да и что тут возразишь?

* * *

Из дневника Высокого

«...этот детский смех все слышат. Значит, у меня – не галлюцинация. Но тогда что это? Это не то чтобы пугает, но ощущение такое, как будто я стою перед невидимой Джомолунгмой...»

В Долине

Зиманика

Ежик капризничал весь следующий день, у него повысилась температура. Эльвира очень нервничала.

– Не пойму я, что с ним, – недоумевал доктор Док. – Просто акклиматизация, по-моему, маленький же он еще. Не надо в него сейчас ничего вливать, думаю. Вот разве что дам я ему ложечкуженьшена для повышения иммунитета.

Но уже на следующий день Ежик повеселел, и Эля отнесла его на земляничную поляну. Он сидел на одеяле в траве, с восторгом смотрел вокруг, собирал и ел ягоды, немножко пробовал ползать, опираясь на руки, и то и дело оглядывался на мать сияющими глазами.

– Мама, тут ягодки! – он протягивал ей ладонь с ягодами. – *Зиманика*. Мама, *кусай* ягодки. – А где зайка *живет*?

– Вот ты начнешь ходить, и мы пойдем искать зайкин домик.

– А я буду ходить, мама?

– Конечно, малыш! Папа тебя сюда и принес для этого.

В сердце Эльвиры постоянно чередовались надежда и тревога. Пока побеждала надежда.

Исследование Долины

КСС. Все последующие дни продолжалось интенсивное исследование Долины и обустройство главного лагеря База-1.

* * *

Погода стояла, мягко говоря, замечательная. Настроение у всех было приподнятое, а открытия следовали одно за другим.

Завтракали в семь утра, а в восемь уже расходились группами по своим делам, сбор в лагере назначался напять вечера, в шесть уже начинало смеркаться. В реальности, конечно, расписание соблюдалось не очень строго.

Как правило, Высокий с кем-нибудь занимался топографической съемкой, Крис и Солдат ходили с геологами Гошей и Кварцем – и вместе, и порознь, и по долине, и вверх по склонам. Ледокол и Лесник, любители всех растений, уходили с ботаником Синичкой, биохимик Афина и химик Титан хозяйничали в мобильной аналитической лаборатории. Кроме того, всем было приказано всяческие необычные растения и минералы тащить в лагерь, аккуратно упаковав, заметив и записав место находки.

Доктор Док, он же Айболит, категорически требовал все раны и царапины показывать ему.

– Вы все – мои подопытные, то есть, я имею в виду – пациенты, – говорил Док. – Я, может, на ваших кровавых ранах свою докторскую сделаю.

– Абсурд какой-то, – удивлялся народ. – Зачем это доктору докторская, если он и так уже доктор? Не парься ты, Док, вернемся – купим тебе этой колбасы сорок кило, лопай – не хочу.

В 7 вечера, уже в сумерках, все обедали, а затем, попозже, был вечерний чай с бурным и веселым обсуждением всех событий и находок.

* * *

Из дневника Высокого

«Оказывается, в местном воздухе увеличенное содержание кислорода, радона, закиси азота и еще много всякой химической мутоты. В этом Титан и Афина сейчас разбираются. То-то мы все такие бодрые и веселимся – это, оказывается, из-за закиси азота. Но при этом химический состав воздуха нестабилен и несколько меняется со дня на день. Это что, газовые выбросы из окрестных хребтов или что-то другое?»

«Кварц говорит, тут какая-то сказочная коллекция руд ценных металлов. Ну, этого следовало ожидать, радиосвязи-то нет. Свинец, индий, цинк, висмут, молибден, ванадий и еще несколько, которые я забыл. Он постоянно бормочет: малахит, пирит, халкопирит, смитсонит какой-то дурацкий – никогда про него не слышал. Штуку малахита он вчера нарыл где-то. Красивая, ничего не скажешь.

Хорошо, хоть золота не нашли, а то сюда ринутся черт те кто. Вот только нам здесь приисков и шахт не хватало! Нет, нет, только санаторий!»

«По поводу радиации здесь. Титан говорит, что она тут заметно повышенная, но это не опасно, а вот спектр пока непонятный. Он что-то все время говорит про ряды урана и тория, актиноуран какой-то, калий-40. Ладно, это я не очень понимаю, потом разберемся».

* * *

Так прошло две недели...

Ежик!

Эльвира была в экспедиции поварихой, что позволяло ей всегда присматривать за Ежиком, а с ней обычно оставался дежурный – кто-то из парней. Ежик ползал между палаток и играл во что придется. Все приносили ему какие-то необычные листики, ягоды, камушки, шишки, смешные природные фигурки из дерева, и он им так радовался! Особенно часто с ним играл Алеша, сын Премьера, и Ежик даже стал называть его *батик*, ну, то есть, братик.

– Ежик, – говорил Алеша, – смотри, это ягодка как раз для тебя, называется ежевика.

– *Зевика!*

– Вкусно?

– *Кусно!*

Особенно Ежику полюбился широкий и низкий, метра полтора, торчавший из земли камень, с одной стороны очень отлогий, с других – покруче. И вот на этот теплый шероховатый камень он старательно забирался с отлогой стороны на одних руках, немного стараясь помогать коленями. А потом сползал или там же, или, чаще, с другой стороны, но его колени всегда подгибались, и он падал на мягкую землю. Сначала плакал от досады, потом привык и даже стал смеяться от падений. Эльвира смотрела на него, закусив губы, но подбадривала:

– Давай, мое солнышко, старайся, станешь сильным, как папа.

– Мам, а я стану *апинистом*, как папа?

- Станешь, мой хороший.
- А мои *ножки* будут ходить?
- Будут, мальчик, будут, – и отворачивалась.

Пацан окреп, поздоровел, стал веселее, его руки и плечи стали сильнее, Долина делала свое прекрасное дело. Но тоненькие ножки по-прежнему подгибались, не держали его.

* * *

Это случилось, кажется, на пятнадцатый день экспедиции.

В тот день дежурил с Эльвирой Арамис, ее давний верный друг и поклонник. Эля в хозпалатке искала канистру с растительным маслом, как вдруг услышала снаружи взволнованный голос Арамиса:

- Эля, Эля, выйди!
- Что-то с Ежиком? – она вылетела из палатки.
- Тсс! – он приложил палец к губам и поманил ее за собой.

Обогнув палатку, Эля увидела Ежика, сползавшего с камня с его крутой стороны. Он, как всегда, сползал с камня на руках. Но когда его ножки коснулись земли и затем, как обычно, должны были бы подогнуться, и тогда он должен был бы очередной раз упасть, они, эти худенькие ножки, на несколько секунд остались прямыми. Он стоял. Стоял! Секунд через пять его ножки подогнулись, и он упал, но тут же бодро пополз вокруг камня забираться на него снова.

Эльвира закрыла рот рукой, чтоб не закричать. Арамис взял ее под локоть:

- Спокойно, Эля, спокойно.

Через минуту мальчик снова сползал в том же месте, и снова встал на ножки, и снова стоял. И тогда он оторвал левую руку от камня и стоял несколько секунд, держась за камень только правой рукой, потом стал поворачивать медленно голову налево, увидел мать, просиял, взмахнул левой рукой, и от этого снова упал назад. Эльвира тигрицей бросилась к нему, подняла, прижала к себе, стала целовать:

- Ежик, мой мальчик, ты чудо! Ты стоял! Мальчик мой, мальчик, мальчик...

Арамис ладонью вытер глаза.

* * *

В тот вечер Саныч и Ледокол возвращались к вечернему костру последними. Они прошли тогда километров на пятнадцать выше по течению на предмет поиска удобных мест для новых баз, за день отмахали прилично и возвращались очень усталые, предвкушая обед и вечерний чай.

- Ну, Саныч, не слабо я умотался сегодня. А ты – как огурчик!
- Ничего, Ледок, пробьемся. Давай-ка, брат, нашу старую! – и они запели вместе в ритме шагов.

Вскоре у костра слышали их доносившиеся издалека голоса:

...Помнишь, как ответил
с ревом автомат,
Помнишь, как вернулись
мы с тобой в отряд...

И тогда раздался многоголосый и нестройный радостный крик:

- Саныч, Саныч!

Ледокол даже слегка насупился – а ему-то что ж, не рады?

– Саныч, иди сюда, смотри! – все расступались перед Санычем живым коридором, а в конце этого коридора стояла Эльвира, держа на руках сына. И когда Саныч подошел к ней, не доходя метров четырех, он остановился в некотором удивлении. Эльвира стояла перед ним какая-то другая, необычная, с торжественным и светлым лицом, как Пресвятая Мадонна.

– Саныч, смотри, – крикнула она неожиданно звонким голосом, опустившись на одно колено, поставила сына на землю и чуть-чуть развела руки в стороны. Ежик стоял, покачиваясь на тоненьких ножках, как стебелек, но стоял! А перед ним стоял его громадный отец и ничего не говорил – какой-то спазм схватил горло.

Мальши удивился, он был уверен, что папа обрадуется, и не понимал его молчания.

– Папа, смотри, я уже стою на ножках!

Потрясенный Саныч молчал.

– Ну, папа, ну, я уже стою на ножках!

Саныч молча опустился на колени и протянул сыну руки. И Ежик тоже протянул руки к отцу и вдруг, к удивлению всех, даже матери, сам сделал маленький шагок. А на втором шажке он уже падал вперед, но могучие руки отца подхватили его и взметнули вверх.

– Ежик, Ежик, сынок, – он прижал сына. – Эля, девочка моя! Это случилось! Эля, это случилось!

Они стояли, Эля и Саныч, обняв друг друга и своего ненаглядного сына, сидевшего на руках отца, и молчали. Все стояли вокруг них тихо, понимая, что сейчас произошло что-то невероятное. У женщин повлажнели глаза. Случилось то самое чудо, ради которого они и шли сюда!

А потом все стали хлопать, раздались крики:

– Ура! Поздравляем! Победа! Ребята, победа!

И все потонуло в безумном крике:

– Победа! Победа! По-бе-е-еда-а-а!

Вдруг Саныч замахал руками, призывая всех к молчанию. Народ затих, несколько удивленно, и смотрел на Саныча.

Саныч повернулся спиной к костру, а лицом к темной спящей долине, и закричал:

– Спасибо тебе, Долина-а-а! Спа-си-и-бо-о-о! Ты прекрасна! Ты чудо! – и он поклонился Долине. И все тоже стали кричать: – Спасибо, Доли-и-и-на-а-а! Спаси-и-и-бо-о-о!

И Долина отвечала им восхитительным эхом!

Та безумная ночь!

*...Только не в песнях
дело тут моих,
Мне просто нравится,
как слушаешь ты их...*

(Из А. Якушевой)

О, мой добрый читатель, если спросить тебя, как ты понимаешь счастье, ты, верно, вспомнишь лучшие мгновения своей жизни. Но возможно, что ни ты, ни твой покорный слуга автор, – мы не знаем настоящего счастья, а знаем лишь только приближение к нему. А настоящему знают его лишь люди, бывшие тогда в Долине. Они рассказывали потом: то, что они испытали в ту ночь, невозможно сравнить ни с чем, ни до, ни после этого. И что это была самая прекрасная ночь в их жизни. Так говорили и Саныч, и Высокий, и Крис, и Ледокол, и Арамис, и Эльвира, и другие, разными словами, но одно и то же, по сути. И никакие слова не будут слишком пышными для этого.

То была ночь абсолютного, невозможного счастья. Как будто Ежик был сыном для них всех, и вот он выздоровел! Как будто они все тогда не ходили, а летали! И это единственное, о чем сожалеет автор в своей жизни, – то, что его не было тогда с ними.

* * *

Все сели ужинать и пить чай, громко и весело переговариваясь. Постоянно звучали шутки, хохот не смолкал. Малыш устал за день, расплакался, и мать унесла его в палатку укладывать. А народ дружно стал требовать от доктора спирт. Док упирался, говоря, что спирт предназначен только для аварийных ситуаций и что они и так уже почти на головах ходят, а если еще спирту налить, так вообще тройное сальто будут делать, с неизбежными тяжелыми травмами.

Но видно было, что доктор нынче не стоек. Саныч на взгляды доктора, обращенные к нему с мольбой о поддержке, отводил глаза в звездное волшебное небо и улыбался до ушей. А потом он громко сказал:

– Ребята, а вы знаете, что наш Док – это лучший доктор в мире? Ура доктору! Качай его!

Док, летая вверх и вниз, бормотал, улыбаясь:

– Какие же вы все гнусные гады, отпустите меня, ну, дайте, пойду сейчас, поищу этот чертов спирт, да ведь он у меня еще укупорен как следует, а в темноте трудно...

– Да ты только принеси, мы тебе его в два счета раскупорим!

Доктор на четвереньках выполз из палатки с бутылкой в руке.

– Нате вам, альпинисты, алкозавры хреновы!

– Спасибо, Док, и мы тебя тоже очень любим!

– Не больше двадцати грамм на рыло! Понятно?

– Конечно, Док, максимум пятьдесят!

Но даже и двадцать граммов, смешанные с колдовским воздухом Долины в сумасшедший коктейль, дали самые роскошные результаты.

Сначала всех удивил Крис, легко продемонстрировав обратное сальто с места – аплодисменты! Ура Крису! Потом Арамис ловко жонглировал пятью камушками и всех удивил – ура Арамису! Потом Ледокол пообещал номер еще круче – жонглировать тремя горящими головнями.

Высокий опасливо пробормотал:

– Ахтунг, ахтунг, Айсбрехер ин дер люфт! – и отодвинулся подальше.

Но в итоге почти никто не пострадал. После трех секунд жонглирования одна головня упала на голову самому Ледоколу, опалив ему волосы, а отнее отскочила в котел с чаем. Услышав шипение и увидев клубы пара, человек пятнадцать с хохотом повалились на землю и катались пару минут:

– Ледокоша, ну ты даешь!

Когда смех наконец затих, Крис встал и начал:

– Слушайте новый анекдот: приходит как-то Ледокол к врачу...

Он не успел сказать ничего больше. Трудно объяснить, что было такого смешного в этих простых словах, но раздался новый взрыв смеха. Хохотали уже все до единого, минут пять, наверное, катаясь по траве. Высокий стоял на четвереньках и мотал головой, не в силах разговаривать, но это никого не удивляло. Собственно, анекдот так никто и не услышал.

Вскоре уже все дошли до того, что начинали хохотать от каждого пустяка, и от каждой шутки, и от любого слова, и от звяканья уроненной ложки, и все совершенно от этого обессилели.

А Эльвира тем временем все время бегала в палатку посмотреть, спит ли Ежик.

* * *

Пока заваривали новый чай, Арамис с Высоким настраивали гитару, и начались песни.

– Для каждого будет исполнена песня по желанию! – объявил Арамис. – Эля?

– Ну, ты же сам знаешь, Арик!

Эля сидела, прижавшись к могучей груди Саныча, со счастливой улыбкой, и все звезды мира сияли в ее глазах.

Слушай, на время время позабудь,
Лучше тебе спою я что-нибудь,
Чтобы теплели строгие глаза
И не оглядывался больше ты назад...

Пели все, очень нестройно, ощущая при этом какую-то удивительную теплоту друг к другу. Но то был совсем особенный день, а точнее ночь, и никто не стеснялся добрых чувств, которых все так стесняются в обычной жизни.

И тут Высокий посмотрел на свои командирские часы:

– Слушайте, ребята, а ведь это как раз сейчас и есть. Ровнёхонько полночь. Я что хочу сказать... На время время остановилось, ребята. На эту вот ночь.

Все вдруг замолчали. И он подумал: «на время время позабудь...» – это же звучит, как какое-то колдовское заклинание. Скажи его – а вдруг и вправду время остановится?

– Саныч, тебе? – На его широкой груди покоилась голова Эльвиры. Он погладил ее:

*Нету другой такой
ни за какой рекой.
Нет за туманами,
дальними странами...*

Ну, что тут еще добавишь?

Потом:

– Ледокоша, как твоя головушка?

– Не дождетесь, гады!

– Ледокоша, живи вечно, родной! Что тебе исполнить?

*Там, где сосны,
Где дом родной,
Есть озера
С живой водой.
Ты не печалься,
И не прощайся, –
Все впереди у нас с тобой...*

Простая хрустальная красота. Вели Арамис и Эльвира, а подпевали все вместе.

– Крис?

Крис вскочил и заорал ненатуральным голосом, пригнувшись и растопырив пальцы:

*С одесского кичмана
Бежали два уркана,*

*Бежали два уркана
В дальний путь...*

Народ заржал.

– Ну, Кристо, ну хорош уже паясничать!

– А чо, хорошая песня! Ну, ладно! – он изменил тон мгновенно. – Арик, «Снегопад»!

*Но тогда еще был снегопад, снегопад,
И свобода писать на снегу,
И большие снежинки, и град
Он губами хватал на бегу...*

Непростой был человек Крис, ох непростой...

– Высокий?

*Посажу я по земле сады весенние,
Защумят они по всей стране,
А когда придет пора цветения,
Пусть они тебе расскажут обо мне*

«Нет, – думал Саньч, искоса глядя на друга, – не услышит *она* шум твоих садов. Давно уже живет в другой стране. А тебе, мой дорогой, похоже, выпала судьба родиться однолюбом».

– Док?

*Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера:
Обложили меня, обложили –
Но остались ни с чем егеря!*

Это орали все, вразнобой, но страстно.

– Алеша?

*Как вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом –
Которую ты так и не покори.*

Эта песня почему-то на самых молодых сильно действовала...

– Синичка, тебе?

*Ты – мое дыхание,
Утро мое ты раннее,
Ты и солнце жгучее,
И дожди...*

И тоже ведь колдовство... Ах, как же хотелось ей, чтоб *кто-то* услышал, а вот что-то не слышит он...

– Солдат?

Выстрел грянет,

Ворон кружит...
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...

Слушая эту песню, он как будто каменел. И всем тоже взгрустнулось.

Два слова курсивом. Солдат

Солдату довелось повоевать в Далеких Горах, и друзей своих он не в бурьяне терял. До службы в десантных частях он как-то не очень интересовался альпинизмом, но после службы стал все время стремиться в горы, как будто что-то хотел себе доказать. Или что-то из прожитого переиграть заново. Видимо, было нечто такое в его боевом прошлом, о чем другим, не воевавшим, не расскажешь. Да если даже и расскажешь – не поймут. Это у многих фронтовиков такое бывает.

* * *

– Арик, – крикнула Эльвира, – ну, а свою-то любимую?
Арамис улыбнулся и понимающе кивнул.
Сумерки. Природа. Флейты голос нервный. Позднее катанье.
На передней лошади едет император в голубом кафтане.
Белая кобыла с карими глазами, с челкой вороною.
Красная попона. Крылья за спиной, как перед войною.
Вот оно, чудо-то...
А потом, счастливые, с нова все вместе пели, или, скорее, кричали:

*Что такое осень? Это ветер
Вновь играет рваными цепями.
Осень, доползем ли,
долетим ли до ответа
Что же будет с Родиной и с нами?*

И еще, и еще, и еще звучали в ту ночь песни, которых раньше никогда не слышала Долина. Но Арамис, казалось, не уставал, только пил крепкий чай иногда.

Уже было почти три часа ночи, а спать совсем никому не хотелось. Сумасшедший воздух Долины сносил всем головы, как наркотик.

– Ребята, гуляем, завтра выходной! – заорал Саньч.
– Ура-а-а!
– А теперь – дискотека!
– А что, революция уже была? – и хохот.

И тут начались импровизированные танцы. Танцевали все самозабвенно, но неважно, постоянно сталкиваясь и смеясь, и поэтому опять на всех напал хохотунчик, а за ним и аппетит, и решили сварить макароны с тушенкой. Самое подходящее для этого время было – полчетвертого.

Примерно за час до этого Эльвира встала, пошепталась с Арамисом, потом с Синичкой, и они обе исчезли в палатке и что-то там вдвоем творили. А потом Эльвира вышла из палатки. На ней была наспех сооруженная из какой-то тряпки юбка. Она вышла с небольшим свертком и снова стала шептаться с Арамисом, обнимая его за шею.

Несколько слов курсивом. Арамис

Все знали, что Эльвира и Арамис – старые друзья. Когда-то они вместе занимались в школе характерных танцев. Арамис считал себя бардом, поэтом, музыкантом, и знающие люди говорили, что талант у него действительно имелся, хотя какой-то очень уж неровный. Он был романтически влюблен в Эльвиру, пробовал даже написать музыку и поставить с ней танец в испанском стиле. Но потом он по неосторожности познакомил с ней Саньча, и могучий альпинист мгновенно покорило сердце Эльвиры. Тем не менее она всегда говорила ему:

– Саньч, ты мой единственный мужчина, но Арамис – мой старый друг. Не вздумай ревновать. Никогда!

– Да конечно, он классный парень!

Саньч был не слишком музыкален, а вот Эльвиру и Арамиса связывали какие-то незримые музыкальные нити. Иногда на вечеринках они прекрасно пели дуэтом, обсуждали какие-то события в искусстве, что было не слишком интересно Саньчу. Конечно, болезнь Ежика все это отодвинула вбок.

И когда Эльвира иногда обнимала Арамиса, Саньч не волновался. То было другое.

Танец Эльвиры

*Танцуй так, как будто на тебя никто не смотрит.
Пой, как будто тебя никто не слышит.
Люби так, как будто тебя никогда не предавали,
И живи так, как будто земля – это рай!*

(Марк Твен)

Еще раз пошептавшись с Арамисом, Эльвира встала и объявила громко:

– Я буду танцевать!

Народ почувствовал что-то необычное, какое-то особое волнение в ее словах. Все сели и затихли...

И тогда загремели струны Арамиса. Длинной нескончаемой очередью стреляла гитара, вызывая тревогу в сердцах всех сидевших вокруг. Это, казалось поначалу, было совсем немелодично. Эля стояла неподвижно. Когда звук замолк, она сделала шаг вперед. Потом снова очередь звуков гитары, и снова шаг вперед. Она развела руки, и широкая лента алой молнией полыхнула между ними.

Резкий зигзагообразный звук гитары – и странные угловатые движения Эльвиры. Сначала ее движения напоминали даже не танец, а просто какое-то позирование в переливающихся отблесках костра. Арамис и Эльвира *вспоминали*. Вспоминали музыку, что когда-то сочинил Арамис, и они еще успели несколько раз отрепетировать этот танец лет пять назад. Вспоминали руками, ногами, глазами, ушами, сердцем. Иногда Эльвира спотыкалась на неровностях, камушках каких-то, и тотчас же кто-нибудь из зрителей откидывал их в сторону. Один раз она даже упала, когда нога поехала на камушке, но быстро вскочила с улыбкой.

Но постепенно движения Эльвиры, поначалу медленные, становились все более быстрыми и плавными. Испанский огонь вспышками прорывался в ее движениях, а плавные вращения с лентой под переливы гитары как будто гипнотизировали зрителей. Они поняли, что

сейчас происходит еще одно чудо. Чудо возрождения женщины, у которой выздоравливает ребенок.

Она всегда была красива, прекрасно танцевала, была любима друзьями за доброту, да еще и жена самого Саныча – это же почти как княгиня! Но болезнь Ежика здорово подкосила ее. Нет, не сломала, но согнула. Три с лишним года, отданные борьбе с болезнью мальчика, оставили в ней главным образом материнские инстинкты, а еще воспитали невероятную волю, а вот ее женское начало как будто спряталось в какую-то душевную раковину. Но сегодня...

Она поверила. Хотя Ежик сделал еще только два шага, а она уже поверила! Материнский инстинкт подсказал ей, что это начало настоящего выздоровления.

И тогда в ней немедленно начала просыпаться (или лучше сказать – начала разгибаться) ее женская натура, которая давно рвалась на волю, но не могла вырваться. Ей необходимо было как-то высказаться, выплеснуться, загореться, взорваться. И танец стал первым проявлением этого освобождения. Танцуя рядом с костром, сама она казалась похожей на сверкающий разноцветный фейерверк, который дождался наконец своего короткого счастья.

Она танцевала для себя. Не для зрителей, даже не для Саныча, даже не для Ежика, а для себя! И все, что оставалось в мире для нее в тот миг, это колдовская музыка Арамиса да переменчивый свет костра.

Иногда она останавливалась на несколько секунд, уставая, – давно не танцевала, – но все зрители сидели безмолвно, не дыша, чтоб только не кончилось это волшебство. А потом она продолжала снова...

Несколько слов курсивом. Гении мгновения

На минуту отвлекусь, мой терпеливый читатель. Бывают в жизни гении, а еще бывают гении мгновения. И таким гением мгновения иногда может стать любой из нас.

Вот, допустим, обычный игрок высшей лиги вдруг делает «покер», растерзав всю защиту соперника, как детей, будто в него сегодня вселился футбольный бог. Его уносят с поля на руках, комментаторы бьются в истерику. Но это, увы, только один раз, ну, от силы – два.

А вот рядовой ученый вдруг обращает внимание на необычное свечение и открывает новый важнейший эффект, его имя входит во все энциклопедии. А потом всю оставшуюся жизнь он делает обычные рутинные работы без каких-то взлетов.

Или девочка пятнадцати лет пишет песню, которую поет потом многие годы целый континент, да и весь мир тоже. Но только одну, увы...

Да, да, так, всего лишь одно мгновение в долгой жизни! Но ведь это все-таки было, было! Так будем же за это благодарны судьбе!

* * *

Сегодня судьба была щедра к Эльвире. Да и Арамис был в ударе. Он уже многое забыл из ранее сочиненного, но импровизировал на ходу, и получалось очень удачно. Сегодня все у всех получалось удачно (даже у Ледокола, который, как обычно, остался жив). Зрители, подготовленные всеми предыдущими событиями, остро воспринимали своими глазами, ушами, нервами эту симфонию звука, света и движения. Окружающее слилось в каком-то невероятном единстве. Всем казалось, что они сейчас не в реальности, а в волшебной сказке. Да сейчас спроси их – и они все поклялись бы, что видели, как Эльвира летала!

В какой-то момент Арамис почувствовал, что силы танцовщицы на исходе. И тогда прохотали, нарастая, последние аккорды гитары. Разрезав последний раз пространство алой лентой, замерла Эльвира. И все молча смотрели на нее. И то, что они видели в это мгновение...

Это не просто прекрасная женщина стояла посреди ночной горной долины. Это богиня стояла посреди Вселенной, опираясь стопами на планету Земля. Тихий свет шел от нее...

– Эля, ты богиня! – сказал в тишине Арамис.

И никому сказанное не показалось просто пышным комплиментом. Потому что все видели, что это так и было – здесь и сейчас. Все они были свидетелями этого поразительного танца.

Даже сам Саныч стоял в обалдении перед своей женой. Потом бросился к ней, когда она уже падала без сил ему на руки.

Тут оцепенение спало со всех. Все орали:

– Элька! Молодчина! Чудо! Королева! Терпсихора! Божественно!

– Эльвира – королева гор!

– Доктор, у тебя еще осталось?

– Да вы что, утро же скоро!

– И что ж с того?

– Тем более, доктор, тем более!

– Никаких там «еще», – это уже Саныч, грозно, – только чай.

– *Нет, ребята-демократы, только чай!*

– А тушенку и макароны еще можно?

– Только особо одаренным!

– Давайте еще петь!

– Будем ждать рассвет!

И пели снова, и пили крепчайший чай, и ждали рассвета.

И совершенно не стеснялись они своих чувств. Как дети, все они были сейчас. Не как взрослые люди, а как наивные мальчишки и девчонки лет двенадцати-тринадцати, опьяневшие от своей молодости, свободы и вечного счастья впереди!

* * *

Из недописанной поэмы Арамиса:

*Там боги слетели с Олимпа,
Чтоб пировать вместе с ними,
И сами они в эту ночь
Были почти богами...*

* * *

Эля, подбежав к Арамису, обхватила его голову и целовала его, повторяя:

– Что за музыка! Ты гений, гений! Аполлон!

– Это еще очень слабо сказано, – отвечал тот, принимая величественный вид и чванливо задрал нос.

Саныч смотрел на них с улыбкой:

– Арамисище, может, хватит уже целоваться с моей женой? А то...

– А то – что? – горделиво обернулся Арамис.

– А то... дуэль! С десяти шагов, отравленными пулями!

– Ах так, значит, дуэль?

И, протянув руку к Санычу, он торжественно продекламировал:

Так пусть нас рассудит пара
Стволов роковых Лепажа...

– Ну, что ж, коли так, тогда... с шести шагов... и разрывными! Хотя нет, пожалуй, лучше с восьми, а то ты вдруг и вправду попадешь!

Публика опять веселилась, слушая их диалог. Просто день смеха какой-то!

* * *

– Смотрите, смотрите!

Все увидели, как уже начали розоветь вершины окрестных гор.

– Боже, ребята, красота-то какая!

«Как же можно сейчас быть где-то в другом месте! Как же нам всем повезло быть здесь!» – думал Высокий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.